МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ.

Переведены съ Латинскаго

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Александромъ Никольскимъ

и опою Академіею изданы.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

НАСТАВЛЕНІЯ

ВЪ ПОЛЬЗУ УЧАЩИХЪ И УЧАЩИХСЯ КРАСНОРѢЧІЮ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Лишившись супруги и дѣтей, жалуется на судьбу свою.

Первоначально предпринялъ я трудъ сей въ твое, Викторій Марцеллъ, угожденіе; къ тому присоединилось послѣ и желаніе быть нѣсколько полезнымъ благонравному юношеству; нынѣ же, по возложенной на меня должности, почти принужденъ былъ усугубить мою ревность и тщаніе. Однако признаюсь, что и сладостная мысль споспѣшествовать воспитанію сына имѣла въ семъ не малое участіе, сына, который, по превосходнымъ ума своего качествамъ, заслужи-

валъ таковое вниманіе и попечительность отъ родителя: мнѣ казалось, что оставляю ему самую лучшую часть наслѣдства, и что онъ, ежели бы угодно было судьбѣ пресѣчь мои дни прежде, какъ то слѣдовало бы по естественному теченію и сходно моимъ желаніямъ, имѣлъ бы всегда въ отцѣ своемъ наставника. Но, когда денно и нощно трудился я о приведеніи въ дѣйство моего намѣренія, опасаясь, чтобы смерть не помѣшала мнѣ окончить начатое, судьба такъ неожиданно поразила меня, что плодъ трудовъ моихъ меньше всѣхъ мнѣ полезнымъ остался. Ибо, (*) къ усугубленію сердечной раны, потерялъ сына, который подавалъ о себѣ великую надежду, и въ которомъ полагалъ я все утѣшеніе моей старости.

Итакъ что я буду нынѣ дѣлать? И къ чему употреблю мои дарованія, о которыхъ не благоволятъ боги? И дѣйствительно, когда приступилъ я сочинять книгу, извѣстную нынѣ подъ заглавіемъ: *О причинахъ испорченнаго Краснорѣчія,* былъ пораженъ подобнымъ же ударомъ. Почто не предалъ я тогда сего сочиненія и другихъ бумагъ, свидѣтельствующихъ о нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ въ Словесности, почто не пре-

(*) Первый изъ сыновей, котораго лишился Квинтиліанъ, былъ пяти, а послѣдній десяти лѣтъ.

далъ пламени, толь преждевременно внутренность мою на костръ пожиравшему? Лучше было бы не обременять остатка окаянныхъ дней моихъ новыми заботами. Ибо какой добрый родитель проститъ мнѣ, что еще имѣю рвеніе продолжать ученыя занятія? Кто не возненавидитъ твердости духа моего, ежели, переживъ всѣхъ моихъ кровныхъ, употреблю слово мое на иное что, а не на оплакиваніе моей участи? Неумолимая смерть сперва похитила у меня мать дѣтей моихъ, которая, произведя на свѣтъ двухъ сыновей, на осмьнадцатомъ году своего возраста скончалась, хотя въ мучительныхъ страданіяхъ, но скончалась счастливою. Конечно и сей одинъ ударъ былъ для меня столько чувствителенъ, что никакое благополучіе въ свѣтѣ не могло облегчить моего жребія. Ибо, украшена бывъ всѣми добродѣтелями наилучшей супруги, кончиною своею нанесла супругу неизлѣчимую рану; а судя по юнымъ лѣтамъ, особливо въ сравненіи съ моими, могла и сама почитаться дѣтищемъ сѣтующаго по ней родителя. Я утѣшался однако хотя тѣмъ, что дѣтей по себѣ оставила: и, въ семъ случаѣ жестокая, сама желала, чтобъ Небо, сохранивъ жизнь мою, сократило дни ея для избѣжанія величайшихъ горестей.

Младшій изъ сыновей, едва достигнувъ пятилѣтняго возраста, послѣдовалъ за своею матерію.

Потеря сія едва не свела и меня во гробъ. Я не тщеславлюсь своимъ несчастіемъ, и не хочу увеличивать причины слезъ моихъ: о когда бы можно было уменьшить оную! Но какъ могу забыть, красоту лица его, пріятность рѣчи, живость ума, коего искры, не смотря на дѣтскія лѣта, уже примѣтны были; возвышенность души, въ такомъ возрастѣ едва вѣроятную, которая и въ чуждомъ дѣтищѣ привлекла бы любовь мою. А чтобъ еще чувствительнѣе были для меня удары судьбы, онъ оказывалъ ко мнѣ особенныя ласки и привязанность, предпочиталъ меня своимъ кормилицамъ, бабкѣ, его воспитывавшей, словомъ, всѣмъ, кои за нимъ ходили. Почему я начиналъ съ нѣкотораго времени уже не столько терзаться скорбію о потерѣ наилучшей и достойнѣйшей матери. Ибо ежели должно мнѣ жаловаться на участь свою, то надлежитъ еще радоваться, что она не вкусила величайшей для материнскаго сердца горести.

Послѣ сего оставался еще сынъ мой, Квинтиліанъ, на котораго полагалъ всю надежду и радость мою: и дѣйствительно онъ могъ служить мнѣ сильнымъ утѣшеніемъ. Ибо не цвѣты, какъ младшій братъ, но уже совершенно образовавшіеся плоды, началъ показывать, переступивъ на десятый годъ возраста. Клянусь моими несчастіями, моею злополучною чувстви-

тельностію, тѣнію любезнѣйшаго сына, тѣмъ священнымъ предметомъ моей скорби, клянусь, что видѣлъ въ немъ непринужденное расположеніе къ наукамъ, каковаго я, при всей моей опытности, ни въ комъ не нахаживалъ (тоже скажутъ и его учители): но и такую честность, такое благочестіе, такое добродушіе и тихость, что надлежало уже мнѣ страшиться нанесеннаго мнѣ удара; ибо справедливо всѣми замѣчено, что скоровременная зрѣлость не надежна; и, не знаю, какая то непріязненная судьба всегда разрушаетъ великія надежды, дабы человѣкъ не выходилъ изъ за предѣловъ, ему назначенныхъ. Въ немъ находились всѣ, даже случайныя качества: ясность и пріятность голоса, любезный видъ лица, и удивительная способность изъясняться на двухъ языкахъ, какъ будто бы они оба были для него природные. Но это подавало еще надежду въ будущемъ. Всего же болѣе замѣчались въ немъ душевные дары: твердость, основательность, даже мужество противъ ужаса и страданій. Ибо съ какимъ терпѣніемъ, къ великому удивленію врачей, сносилъ онъ тяжкую осмимѣсячную болѣзнь! Какъ утѣшалъ меня при послѣднихъ часахъ жизни своей! Даже и въ самомъ бреду своемъ говорилъ только о Словесности.

О тщетная и суетная надежда! О мой любезный сынъ! Твои ли глаза видѣлъ я закрываю-

щіеся, тебя ли видѣлъ испускающаго послѣднее дыханіе? Твое ли хладное и омертвѣлое тѣло могъ обнять, и не умеръ отъ горести. Я достоинъ претерпѣваемыхъ мною мученій и помышленій, денно и нощно меня волнующихъ. Тебя усыновилъ Консулъ, тебя назначилъ себѣ зятемъ Преторъ, твой дядя со стороны матери; ты долженствовалъ наслѣдовать всѣ почести отца твоего; въ тебѣ всѣ надѣялись видѣть возстановителя Аттическаго Краснорѣчія, и я, отецъ бездѣтный, потерявъ тебя, осужденъ жить только для страданій. И, ежели не привязанность къ жизни, то конечно страданіе въ продолженіе остальной моей жизни, отмститъ за тебя. Ибо напрасно складываемъ на судьбу всѣ наши несчастія: всякъ себя вини, что долго страждетъ. Но мы еще живы; а посему и нужно придумать, какъ проволчить до конца дни свои: надлежитъ положиться на совѣтъ Мудрыхъ, кои единственнымъ въ бѣдахъ утѣшеніемъ почитали занятіе въ наукахъ.

Но ежели скорбь, нынѣ меня удручающая, нѣсколько утолится временемъ, и допуститъ обратиться на спокойнѣйшія мысли; смѣю справедливо надѣяться, что не поставится мнѣ въ вину нѣкоторое въ предпріятомъ трудѣ моемъ замедленіе. Ибо кто будетъ удивляться, что такое упражненіе только отложено на время,

когда надобно болѣе дивиться, по чему оно вовсе не оставлено? И если въ продолженіи сего сочиненія, которое началъ, не бывъ еще въ толь горестныхъ обстоятельствахъ, примѣтится меньше чистоты и блеску, да припишется не неискуству или невѣжеству, но злому року моему, который силы ума моего, сколь ни посредственны онѣ были, хотя не истребилъ, однако ослабилъ. Но возстанемъ съ бо́льшимъ упорствомъ противъ судьбы; ибо сколь трудно намъ ее переносить, столь удобно презирать. Она всѣ жестокости противъ меня истощила: все отняла, и привела меня въ прискорбную, правда, но уже надежную отъ сихъ золъ безопасность. По крайней мѣрѣ, трудъ мой заслуживаетъ, кажется, болѣе вниманія по тому, что мы его отнюдь не для собственной выгоды продолжаемъ: онъ принесетъ пользу другимъ, если только принесть ее можетъ. Моя участь такова, что, какъ имѣніе мое, такъ и сія приготовляемая книга, достанется въ наслѣдство постороннимъ людямъ.

ГЛАВА I.

О ЗАКЛЮЧЕНІИ.

Оно можетъ состоять или изъ повторенія вышесказаннаго, или изъ движенія страстей. I. Повтореніе должно быть кратко и измѣняемо чрезъ разныя фигуры. II. Движеніе страстей 1) со стороны обвинителя; 2) со стороны защитника. III. Не только словами, но и нѣкоторыми дѣяніями возбуждается состраданіе. IV. Извлекать у слушателей слезы свойственно превосходнымъ Ораторамъ.

Мы остановились на окончаніи рѣчи, которое иные повтореніемъ сказаннаго, другіе заключеніемъ называютъ. Оно бываетъ двоякаго рода: одно состоитъ въ вещахъ, другое въ чувствованіяхъ.

I. Повтореніе и собраніе вещей, а у насъ нѣкоторымъ исчисленіемъ называемое, способствуетъ судьѣ приводить на память все прежде-

сказанное, и въ тоже время цѣлое дѣло предъ глаза полагаетъ, и совокупностію многихъ доказательствъ, изъ которыхъ каждое порознь не такъ сильно, производитъ разительнѣйшее дѣйствіе. Сіе повтореніе должно быть самое краткое, и заключать въ себѣ только главныя статьи дѣла. Ибо, ежели въ немъ распространимся, тогда уже не исчисленіе частей, а какъ бы другая рѣчь выйдетъ. Но повторять вещи надлежитъ съ нѣкоторою силою; для сего потребны приличныя предмету мнѣнія и разные обороты чрезъ посредство фигуръ: поелику нѣтъ ничего несноснѣе, какъ простое и, такъ сказать, голое повтореніе, которое показываетъ явную недовѣрчивость къ памяти судей. Есть множество такихъ оборотовъ, кои съ пользою употреблены быть могутъ. Цицеронъ (7. Verr. 135.) показалъ прекрасный образецъ сего, когда, обратясь къ Верресу, вопрошаетъ его: *Ежели бы отецъ твой былъ твоимъ судьею, чтобы отвѣчалъ онъ, когда бы ему сіе доказано было?* И потомъ присовокупляетъ исчисленіе доказательствъ. И на другомъ мѣстѣ (7. Verr. 185.), призывая боговъ, исчисляетъ храмы ихъ, симъ Преторомъ ограбленные....

Сей только родъ Эпилоговъ или Заключеній извѣстенъ былъ многимъ изъ Грековъ, и даже всѣмъ почти Философамъ, кои писали о Краснорѣчіи. Я полагаю причиною сему то, что въ Аѳи-

нахъ чрезъ нарочнаго пристава воспрещалось Оратору возбуждать страсти. Въ разсужденіи же Философовъ, я нимало не удивляюсь: они почитали страсти за порокъ; слѣдовательно возбуждать ихъ въ душѣ судьи было, по мнѣнію ихъ, противно нравственности, и непристойно честному человѣку употреблять порочныя средства. Однако они должны признаться, что и къ сему пособію прибѣгать нужно тамъ, гдѣ истина, справедливость и общественное благо иначе верхъ одержать не могутъ.

Впрочемъ всѣ соглашались, что Эпилогъ или сокращенное повтореніе можетъ съ пользою быть употребляемо и въ другихъ частяхъ рѣчи, когда дѣло бываетъ или многосложно, или великимъ числомъ доводовъ наполнено. Напротивъ, нѣтъ надобности и доказывать, что въ тѣхъ дѣлахъ, кои сами по себѣ кратки и просты, оное совсѣмъ не нужно. Когда же такое повтореніе необходимо, то и обвинитель и защитникъ равно прибѣгать къ нему могутъ.

II. Тѣже самыя чувствованія въ слушателяхъ производить тотъ и другой имѣетъ право: однако обвинитель долженъ быть воздержнѣе и умѣреннѣе, нежели защитникъ. Ибо первому возбуждать, раздражать, а второму преклонять и смягчать судей приличнѣе. Иногда же и обвинитель возбуждаетъ жалость, оплакивая несчаст-

ное положеніе лица, за которое требуетъ отмщенія; и обвиняемый возбуждаетъ въ судьяхъ гнѣвъ и негодованіе, жалуясь сильно на клевету или умышленный заговоръ непріятелей, къ пагубѣ его соединившихся. Итакъ прежде всего надобно различить сіи разностороннія пособія, которыя употребляются, какъ я сказалъ, равно и въ Приступѣ, и въ Заключеніи, но въ послѣднемъ съ бо́льшею вольностію и силою. Ибо преклоненіе судей въ нашу пользу дѣлается въ началѣ скромнѣе и осторожнѣе: тогда довольно и того, что намъ говорить дозволено, и что цѣлая рѣчь остается, гдѣ можемъ излагать мысли наши по своему намѣренію. Въ Заключеніи же надлежитъ утвердить судью въ его добромъ къ намъ расположеніи, тѣмъ паче, что мы уже оканчиваемъ здѣсь рѣчь свою, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ свои доказательства. Итакъ обѣ стороны равно могутъ склонять судью и въ свою пользу, и во вредъ соперника; слѣдовательно и возбуждать и умягчать страсти. И можно вкратцѣ постановить общимъ правиломъ для обѣихъ сторонъ, чтобъ Ораторъ, представивъ себѣ всю сущность тяжебнаго дѣла, старался вникнуть, что̀ въ немъ дѣйствительно находится благопріятнаго или ненавистнаго, жалостнаго или отвратительнаго, или таковымъ показаться можетъ, и въ заключеніе свое вносить то, что̀ могло бы

сдѣлать наиболѣе впечатлѣнія въ немъ самомъ, ежели бы онъ самъ былъ судьею. Но разсмотримъ каждую статью особенно.

1-е. Излагая правила, какъ сочинять Приступъ, я уже сказалъ, чѣмъ снискиваетъ обвинитель благосклонность предъ судьями. Однако есть особенные обороты рѣчи, кои тамъ слегка проявляются; и сего довольно: но въ окончаніи выставляются они съ бо́льшею выразительностію, и особливо, когда говоримъ противъ человѣка дерзкаго, опаснаго, всѣми ненавидимаго; или когда обвиненіе подсудимаго судьямъ въ славу, или оправданіе его въ безчестіе обратиться можетъ. Кальвъ, въ рѣчи своей противъ Ватинія, прекрасно сказалъ: *Вы, судіи, знаете всѣ, что Ватиній виноватъ въ подкупахъ, и всѣ знаютъ, что вы объ этомъ знаете.* Также и Цицеронъ, говоря противъ Верреса, представилъ судьямъ, что только осудивъ виновнаго, могутъ они поправить прежніе пристрастные свои приговоры. Равно, когда надобно внушить страхъ или опасеніе, въ Заключеніи требуется отъ Оратора бо́льшихъ усилій, нежели въ Приступѣ. Примѣры сего также находимъ (3. Verr. 22. и 7. Verr. 172. 182. стр. 191.) въ Цицеронѣ. Я мнѣніе мое о семъ изложилъ въ IV книгѣ.

Возбуждать негодованіе, ненависть, гнѣвъ, свободнѣе можно въ Заключеніи, нежели во вся-

кой другой части рѣчи. Сила или знаменитость обвиняемаго раждаетъ въ судьѣ зависть, гнусность поступка его возбуждаетъ ненависть, а непочтительностію его возжигается гнѣвъ, если онъ будетъ упрямъ, высокомѣренъ, самонадѣятеленъ: противъ таковаго не только дѣйствіе и слово, но даже одежду, лице, взглядъ можно обратить, какъ нѣкое оружіе къ его опроверженію. Ораторъ, обвинявшій Коссуціана Капитона, весьма удачно употребилъ подобное обстоятельство въ свою пользу, сказавъ: *Онъ краснѣетъ; ибо стыдится, что боится Цезаря.*

Однако лучшее для обвинителя средство возбуждать страсти состоитъ въ томъ, чтобы представить дѣло, о коемъ доноситъ, въ видѣ ужасномъ и, сколько можно, въ самомъ жалостномъ.

Омерзѣніе увеличивается отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: что̀ сдѣлано, отъ кого, противъ кого, съ какимъ намѣреніемъ, въ какое время, гдѣ, какимъ образомъ; онѣ могутъ служить неизчерпаемымъ источникомъ для разныхъ выводовъ. Жалуемся ли на личное оскорбленіе? Прежде изъясняемъ, въ чемъ состоитъ оное: потомъ разбираемъ, кто и какого состоянія оскорбленный, человѣкъ старый, или малолѣтный, честный или почтенный по оказаннымъ отечеству заслугамъ. Наконецъ описываемъ того,

кто нанесъ оскорбленіе: то есть, подлый и презрѣнный, или напротивъ человѣкъ сильный и знатный, или такой, отъ коего наименѣе ожидать сего надлежало; замѣчаемъ еще, если случилось то въ какой либо день торжественный, или въ такое время, какъ подобное же насиліе преслѣдуемо было судебнымъ порядкомъ, или во время общественнаго бѣдствія: также гдѣ оное происходило, въ театрѣ, въ храмѣ или въ народномъ собраніи. Не есть ли то послѣдствіемъ ошибки или гнѣва; въ послѣднемъ случаѣ скажемъ, что гнѣвъ сей былъ неправедный; ибо оскорбленный защищалъ отца или пріятелей, что онъ былъ обидчику сотребователемъ почестей; или доказываемъ, что сей послѣдній хотѣлъ покуситься на важнѣйшее, нежели что сдѣлалъ. А еще болѣе придаетъ гнусности дѣянію образъ или способъ, какимъ оно произведено; напримѣръ, если ударъ нанесенъ тяжкій, или безмѣрно оскорбительный: такъ Димосѳенъ возбуждаетъ негодованіе противъ Мидія, извлекая доказательства свои и отъ пораженной (*) части тѣла, и отъ вида оскорбителя, и отъ его тѣлодвиженія, каковымъ сопровождалась обида. Умерщвленъ ли человѣкъ? Здѣсь разбирается, желѣзомъ ли, огнемъ, ядомъ, однимъ ли ударомъ

(*) То была пощечина.

или многими, вдругъ ли умеръ или въ продолжительныхъ мученіяхъ.

Обвинитель часто возбуждаетъ сострадание, или представляя горестное положеніе защищаемаго, своего истца, или изображая будущую участь дѣтей его и родственниковъ. Можетъ подвигнуть судей на жалость изображеніемъ будущаго, и представляя послѣдствія, какія могутъ произойти, если таковыя обиды и насилія останутся безъ наказанія: надлежитъ бѣжать изъ города, оставить имущество, и претерпѣвать все, на что ни вздумаетъ непріятель противъ насъ покуситься.

Но чаще стараться долженъ обвинитель отвращать судью отъ состраданія къ обвиняемому, и настоятельно убѣждать къ справедливому сужденію. Здѣсь можно сказать, что знаемъ, что можетъ отвѣчать на сіе нашъ соперникъ. Ибо тѣмъ внушается судьямъ предосторожность отъ обольщенія, а у отвѣтчика отнимется пособіе, и уже то, что было прежде сказано обвинителемъ, въ устахъ отвѣтчика будетъ не новое... Иногда можно внушать судіямъ, что имъ надлежитъ отвѣчать, когда бы потребовался отъ нихъ отчетъ въ произнесенномъ приговорѣ. Это есть нѣкоего рода повтореніе.

2-е. Въ пользу подсудимаго можно говорить о его достоинствѣ, о связяхъ съ людьми знаме-

нитыми, о ранахъ, на войнѣ имъ полученныхъ, о благородствѣ и заслугахъ предковъ его. Цицеронъ и Азиній наперерывъ употребляли такія убѣжденія, когда одинъ защищалъ Скавра отца, а другой Скавра сына. Выставляется также побужденіе, по которому взводится на подсудимаго какое либо преступленіе: ежели, напримѣръ, открывается поводъ утверждать, что враждуютъ противъ него за нѣкое доброе дѣяніе: особенно надлежитъ выставлять его благодушіе, человѣколюбіе, сострадательность. Ибо всякъ можетъ, кажется, требовать по всей справедливости отъ судьи тѣхъ же къ себѣ чувствованій, какія онъ къ другимъ оказывалъ. Здѣсь приводится и видъ и общественная польза, и честь безпристрастнаго приговора, который и впредь послужитъ примѣромъ и останется въ памяти у потомства.

Но, при защищеніи обвиняемаго, всего полезнѣе возбуждать состраданіе, которое не только преклоняетъ судью на нашу сторону, но часто заставляетъ проливать слезы въ знакъ внутренняго умиленія. Таковое дѣйствіе производимъ, если живо представимъ все, что претерпѣлъ обвиняемый, или что онъ теперь претерпѣваетъ, или что постигнетъ его, когда осужденъ будетъ: и сіе еще болѣе подкрѣпится, если изобразимъ, изъ какого блистательнаго состоянія

въ какую бездну золъ низвергнется. При семъ не безъ пользы ссылаемся на лѣта, полъ, на его любезнѣйшіе залоги, то есть, на дѣтей, родителей, родственниковъ, приближенныхъ. Все сіе различнымъ образомъ излагается. Иногда и самъ защитникъ вводитъ здѣсь собственное лице свое, какъ дѣлаетъ Цицеронъ, говоря за Милона: *О какъ я бѣденъ, какъ я несчастенъ! Ты, Милонъ, чрезъ сихъ же самыхъ судей могъ возвратить меня въ отечество, а я чрезъ нихъ удержать тебя въ отечествѣ не могу?* И особенно, когда самому обвиняемому неприлично, какъ-то и въ семъ случаѣ, употреблять предъ судьями просьбы отъ своего лица. Ибо для кого показалось бы сносно, если бы Милонъ, умоляя о прощеніи себя въ дѣлѣ уголовномъ, признался, что убилъ человѣка знатной породы, и убилъ его непротивозаконно, справедливо? По чему Цицеронъ обратилъ на него уваженіе за его великодушную какъ бы о себѣ безпечность, и принялъ самъ на себя лице умоляющаго.

Здѣсь-то особенно полезны Заимословія, то есть, рѣчи, какія влагаемъ въ уста постороннихъ лицъ, и какія приличны истцу и защитнику. Существа даже безсловесныя могутъ трогать, когда или къ нимъ рѣчь свою обращаемъ, или ихъ говорящими представляемъ. Однако лица, отъ коихъ слова заимствуемъ, производятъ

бо́льшее впечатлѣніе. Ибо тогда судьѣ показаться можетъ, что слышитъ онъ не человѣка, оплакивающаго чужее несчастіе, но будто внемлетъ слова и вздохи того несчастливца, коего и безгласное присутствіе одно исторгаетъ иногда слезы. И ежели жалоба въ собственныхъ устахъ угнетеннаго бываетъ чувствительнѣе, то и мы дѣлаемъ больше впечатлѣнія, когда рѣчь наша походитъ на собственное его изъясненіе. Отъ того-то на театрѣ тѣ же слова, тоже произношеніе поражаетъ насъ болѣе подъ личиною. По сему и Цицеронъ, хотя Милону въ уста не влагаетъ никакихъ просьбъ, а обращаетъ на него соучастіе, болѣе выхваляя его твердость духа, однако, подъ именемъ его, произноситъ и слова и жалобы, приличествующія великодушному мужу: *О тщетно предпріятые труды мои! О обманчивая надежда! О суетныя мои помышленія!*

Однако изложеніе жалобъ отнюдь не должно быть длинно; и не безъ причины сказано: *Ничто такъ скоро не сохнетъ, какъ слезы.* И дѣйствительно, ежели и истинныя скорби утоляются отъ времени, то конечно скорѣе изчезнетъ образъ заимствованной Ораторомъ печали и горести: продолженіемъ жалобъ утомляется слушатель, и отъ перваго движенія сострраданія переходитъ къ разсудку. Итакъ да не попустимъ

остывать сему чувствованію, когда внушимъ оное до высочайшей степени: не льзя надѣяться, чтобъ о чужомъ горѣ кто либо долго плакалъ. И по тому какъ въ другихъ частяхъ, такъ наипаче въ семъ мѣстѣ, рѣчь должна быть не только повсюду равно выдерживаема, но и увеличиваться въ силѣ, по мѣрѣ продолженія: ибо когда послѣдующее не подкрѣпляется прежде сказаннымъ, то уже кажется, ослабляетъ оное; и чувствованіе удобно истребляется, когда хоть не много охладится.

III. Но не только словами возбуждаемъ соболѣзнованіе; но иногда и нѣкоторыми дѣйствіями: отъ чего вошло въ обычай, что при случаяхъ, грозящихъ опасностію быть осужденными, лично представляемъ самихъ подсудимыхъ съ печальнымъ лицемъ и въ небрежной одеждѣ, или ихъ дѣтей и другихъ родственниковъ; мы видимъ, что съ своей стороны и обвинители, то показываютъ мечь, обагренный кровію, то вынятыя изъ ранъ кости, то окровавленную одежду, то развязываютъ раны, то обнажаютъ изувѣченное тѣло. Такіе предметы такъ сильно поражаютъ, что мы представляемъ себѣ преступленіе, какъ бы въ нашемъ присутствіи совершившимся. Такъ показанная окровавленная тога К. Цезаря привела въ бѣшенство народъ Римскій. Уже всѣ знали, что онъ убитъ;

и тѣло его уже на смертномъ одрѣ лежало: но обагренная кровію одежда такъ живо представила въ умахъ образъ злодѣянія, что Цезарь казался не мертвымъ, а какъ будто еще умирающимъ подъ ударами заговорщиковъ.

При всемъ томъ не одобряю, что, какъ я самъ видѣлъ, вѣшаютъ надъ статуею (*) Юпитера картину, изображающую дѣяніе виновнаго, дабы тѣмъ возбудить въ судьяхъ ужасъ и негодованіе. Какое ребячество въ такомъ Ораторѣ, который подумаетъ, что сіе нѣмое изображеніе лучше подѣйствуетъ, нежели рѣчь его!

Печальная же одежда, прискорбный и унылый видъ подсудимаго и его приближенныхъ, многимъ помогали такъ, какъ и просьбы и умоленія способствовали иногда къ оправданію виновнаго. Это я знаю по опыту. По чему не безполезно призывать милосердіе ихъ, заклиная именами дражайшихъ залоговъ, каковы суть дѣти, супруга, родители, если ихъ имѣетъ; заклиная даже именемъ боговъ, что̀ обыкновенно почитается за знакъ чистой совѣсти; наконецъ, припадая къ ногамъ и обнимая колѣна, если только лице и состояніе обвиняемаго то дозволятъ. Ибо есть дѣянія, которыя съ такимъ же мужествомъ

(*) Въ Сенатѣ и другихъ судилищахъ поставлялась статуя Юпитера для напоминанія судьямъ, что онъ самъ есть свидѣтель приговоровъ ихъ.

защищать должно, съ какимъ онѣ произведены были. Однакожъ, оберегая уваженіе и достоинство подсудимаго, надобно остерегаться, чтобъ излишнею самонадѣянностію и безпечностію не оскорбить судей.

Сіе служило нѣкогда самымъ сильнымъ пособіемъ для Оратора. Цицеронъ (Pro Mar. 79.), особенно употребивъ оное, защитилъ Луція Мурену противъ важныхъ обвинителей. Ибо увѣрилъ собраніе, что при настоящемъ положеніи Республики, нѣтъ ничего полезнѣе, какъ назначеннымъ Консуламъ, въ числѣ коихъ былъ и Мурена, вступить въ свои должности наканунѣ Январскихъ календовъ. Такое пособіе защищать подсудимыхъ въ наше время, когда правленіе Государственныхъ дѣлъ лежитъ на попеченіи одного Императора, и когда никакой опасности для общества отъ судебныхъ приговоровъ произойти не можетъ, уже мѣста совсѣмъ почти не имѣетъ.

Я говорилъ доселѣ о обвинителяхъ и обвиняемыхъ по дѣламъ уголовнымъ; поелику въ сихъ только случаяхъ нужно сильное движеніе страстей. Но и тяжбамъ частнымъ есть приличный способъ оканчивать рѣчь свою по правиламъ, мною показаннымъ: можно въ заключеніи и исчислять кратко всѣ доводы, и возбуждать въ судьяхъ жалость, если дѣло идетъ о состоя-

ніи или чести тяжущагося. Въ спорахъ же частныхъ и маловажныхъ прибѣгать къ такимъ усильнымъ и чрезвычайнымъ средствамъ было бы тоже, что давать лице и обувь Геркулеса малому ребенку.

Не льзя пропустить безъ замѣчанія и того, что въ Эпилогахъ или Заключеніяхъ успѣхъ, по моему мнѣнію, весьма много зависитъ отъ ловкости или неловкости, съ какою примѣняются къ Оратору участвующія въ дѣлѣ лица. Ибо отъ ихъ неискуства, грубости, упрямства и безобразія иногда все хладѣетъ: все сіе предупредить всѣми мѣрами стараться надлежитъ. Я часто видалъ такихъ, кои вопреки своему защитнику, остаются неподвижны безъ всякой на лицѣ перемѣны, или не во время и не кстати улыбаются, или какимъ нибудь тѣлодвиженіемъ и самымъ взглядомъ своимъ смѣхъ возбуждаютъ, и особливо, когда дѣйствіе походитъ нѣсколько на театральное.

Однажды защитникъ малолѣтной дѣвочки, называвшейся сестрою такого человѣка, который ее въ родство къ себѣ не принималъ (въ чемъ и тяжба состояла), перенесъ сію дѣвочку на противостоявшія скамьи, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ при окончаніи рѣчи его бросилась въ объятія брата: но сей, будучи отъ насъ о томъ предваренъ, вышелъ изъ собранія. Тогда

Ораторъ, впрочемъ мужъ довольно искусный, онѣмѣлъ отъ нечаянности случая, и со стыдомъ поставилъ свою дѣвочку на прежнее мѣсто.

Другой, говоря за молодую вдову, думалъ произвесть разительное впечатлѣніе, представивъ собранію изображеніе ея супруга: но тѣмъ возбудилъ къ неоднократному смѣху. Ибо тѣ, коимъ поручено было оное показать въ свое время, не зная, что такое Эпилогъ или Заключеніе, выставляли его каждый разъ, какъ Ораторъ къ нимъ обращался; а когда напослѣдокъ изображеніе восковое въ видѣ дряхлаго старика предъ всѣми открылось, то и прочія части рѣчи цѣну свою потеряли.

Не безъизвѣстно также, что случилось съ Гликономъ. Онъ привелъ съ собою въ судъ малолѣтняго ребенка, дабы воплемъ и слезами его воспользоваться въ свое время. Но когда, обративъ къ нему рѣчь, вопросилъ: *Ты плачешь? и о чемъ? Меня щиплетъ мой учитель*, дитя отвѣтствовалъ. Но ничто столько, какъ басня Цицеронова противъ Цепазіевъ, не показываетъ, какимъ опасностямъ можетъ подвергнуться Ораторъ въ Эпилогахъ.

Однако таковые случаи не много затруднить могутъ того, кто умѣетъ приноравливать рѣчь свою ко всякой нечаянности: а кто рабски держится написаннаго прежде, тотъ

при малѣйшей внезапности или смущается и умолкаетъ, или весьма часто говоритъ съ дѣломъ несообразное. Отсюда выраженія: *Несчастный простираетъ къ вамъ руки и припадаетъ къ ногамъ вашимъ:* и, *онъ горестно объемлетъ дѣтей своихъ:* и, *онъ взываетъ ко мнѣ о помощи*, и проч. Хотя нѣтъ ничего того на самомъ дѣлѣ. Такіе недостатки заимствуются въ училищахъ, гдѣ позволяется выдумывать и предполагать все по нашей волѣ: тамъ не требуется строгое сходство дѣйствія съ словами. Но предъ судилищемъ не льзя отступать отъ истины. Остроумно обличаетъ въ семъ Кассій одного молодаго адвоката, который спросилъ его: *Для чего ты смотришь на меня косыми глазами? — Совсѣмъ нѣтъ*, отвѣчалъ Кассій, *ты такъ написалъ дома; а я смотрю вотъ какъ:* и въ тоже время бросилъ на него самый грозный взглядъ.

IV. Почитаю за нужное присовокупить къ сему весьма важный совѣтъ. Никто да не дерзаетъ брать на себя трудное дѣло исторгать у слушателей слезы, если не одаренъ высокимъ и сильнымъ краснорѣчіемъ. Ибо какъ чувствіе состраданія бываетъ сильно, когда совершенно восторжествовало надъ сердцами, такъ прохлаждается и слабѣетъ скоро, когда оно не произвело желаемаго дѣйствія: посредственный Ораторъ благоразумнѣе сдѣлаетъ, если предоставитъ са-

мимъ судьямъ изъявлять сіе чувствованіе. Ибо и лице, и голосъ, и притворный видъ подсудимаго, часто возбуждаютъ смѣхъ въ людяхъ, кои всѣмъ тѣмъ бываютъ нетронуты. Почему да измѣритъ Ораторъ и прилѣжно разсмотритъ силы свои; ему нужно знать напередъ, соотвѣтствуютъ ли онѣ бремени, какое на себя принимаетъ. Здѣсь нѣтъ средины: его ожидаютъ или слезы, или смѣхъ.

Впрочемъ, не только производить, но и отвращать жалость можно въ Эпилогахъ, или вычисляя постепенно доводы, кои судью, тронутаго слезами, обращаютъ къ правосудію, или вмѣшивая пріятныя шутки, которыя его развеселяютъ, какъ напримѣръ: *Дайте ребенку хлѣба, чтобъ не плакалъ.* Или какъ толстому истцу, имѣвшему тяжбу съ малолѣтнымъ ребенкомъ, принесеннымъ въ собраніе на рукахъ защитника, сказалъ его адвокатъ: *Чтожъ мнѣ дѣлать? Я тебя на руки взять не могу.*

Однакожъ такія вольности не должно простирать до излишества. По чему я и не могу похвалить, что нѣкто изъ знаменитыхъ нашего времени Ораторовъ дѣтямъ, представленнымъ при окончаніи рѣчи противника своего, бросилъ на полъ игорныя кости, которыя подбирать онѣ и начали. Ибо такая въ нихъ безпечность при видимой опасности, достойна еще бо́льшаго

сожалѣнія. Не льзя также извинить и того, который, при показаніи окровавленнаго меча, въ убѣжденіе убійцы, тотчасъ вскочилъ съ своего мѣста, и, какъ будто устрашась нападенія на самаго себя, скрылся въ толпѣ предстоявшихъ, и закрывая себѣ отъ части голову, поглядывалъ изъ за другихъ на своего противника, а потомъ спросилъ, ушелъ ли онъ съ своимъ мечемъ. Правда, всѣхъ разсмѣшилъ, но и самъ подвергся посмѣянію. Такого рода явленія нужно Оратору умѣть обращать въ ничто, подражая превосходнымъ образцамъ Цицерона, который, говоря за Рабирія, сильно отразилъ хитрость Лабіена, выставившаго изображеніе Сатурниново, и въ рѣчи за Варена (п. 24. 25.) остроумно смѣялся надъ тѣмъ юношею, которому въ судѣ отъ времени до времени развязывалъ рану.

Бываютъ также Эпилоги или Заключенія скромныя, тихія, даже въ удовлетвореніе нашему противнику, ежели личное его достоинство требуетъ отъ насъ уваженія; или когда соглашаемъ тяжущихся къ миру и дружелюбію. Пассіенъ прекрасно изложилъ сей родъ Эпилога по тяжбѣ между Домиціею, женою своею, и Энобарбомъ, братомъ ея, о нѣкоторой суммѣ денегъ. Ибо, поговоривъ довольно о родственной связи и о имуществѣ, которымъ они оба съ избыткомъ надѣлены были, прибавилъ: *Вамъ недостаетъ*

только того, что могло бы служить поводомъ къ спору.

Всѣ такіе обороты и пособія, хотя нѣкоторые и относятъ особенно къ Приступу и Окончанію, гдѣ они наиболѣе нужны; однако и въ другихъ частяхъ рѣчи употреблены быть могутъ, только съ нѣкоторою умѣренностію; ибо надобно беречь ихъ болѣе для окончанія; и ежели гдѣ, то здѣсь наипаче надлежитъ открыть всѣ источники Краснорѣчія. Ибо когда успѣемъ при Заключеніи, то можемъ надѣяться, что умы судей уже преклонили въ свою пользу: и, миновавъ подводные камни и мѣли, можемъ смѣло распустить всѣ парусы: и какъ увеличеніе составляетъ наибольшую часть Эпилога, то и слова и мысли требуютъ отмѣнной пышности и украшенія. Тогда наиболѣе трогать умы надлежитъ, и оканчивать тѣмъ, чѣмъ древнія трагедіи и комедіи заключались на театрѣ: *Рукоплещите.* Въ другихъ же частяхъ рѣчи возбуждаются Ораторомъ страсти, гдѣ приличіе потребуетъ; ибо не льзя изложить безъ сего ни ненавистныхъ, ни жалостныхъ обстоятельствъ. Когда идетъ рѣчь о качествѣ дѣянія, тогда при каждомъ доводѣ можно внушать какое нибудь чувствованіе. Если дѣло заключаетъ въ себѣ многія отдѣльныя обстоятельства или случаи, то нужно употреблять и многія Заключенія, похожія на Эпилоги:

какъ то дѣлалъ Цицеронъ, обвиняя Верреса. Ибо и Филодама, и начальниковъ кораблей, и умученныхъ гражданъ Римскихъ, и многихъ другихъ, пострадавшихъ отъ Верреса, представилъ каждаго проливающимъ слезы.

ГЛАВА II.

О ВОЗБУЖДЕНІИ СТРАСТЕЙ.

I. Сила Красноръчія является особенно въ возбужденіи страстей. II. Что такое есть страсть, и что нравъ. III. Чтобъ возбудить какую либо страсть въ другихъ, долженъ самъ Ораторъ движимъ быть ею. Какъ это дълается.

I. Хотя Эпилогъ или Заключеніе въ судныхъ рѣчахъ есть, такъ сказать, какъ бы вѣнецъ всего дѣла, и особенно основывается на возбужденіи страстей, однако я не могъ, и не долженъ былъ заключить предметъ сей подъ однимъ видомъ. По чему, какъ для достиженія успѣха въ предпріятіи нашемъ, такъ и для приведенія судей въ такое расположеніе духа, въ какомъ видѣть ихъ желаемъ, предлежитъ еще намъ важнѣйшій и гораздо труднѣйшій подвигъ. Я коснулся сего въ предъидущей главѣ, сколько требовала связь моихъ разсужденій; но тѣмъ пока-

залъ болѣе то, что дѣлать должно, нежели какъ произвести оное въ дѣйство можемъ. Теперь разсмотримъ это подробнѣе во всѣхъ обстоятельствахъ.

Ибо можно, какъ я уже замѣтилъ, прибѣгать, въ продолженіи всей рѣчи, къ возбужденію страстей; свойство ихъ не такъ просто: онѣ такъ многообразны, что не льзя касаться свойства ихъ мимоходомъ; онѣ придаютъ рѣчи величайшую силу. Въ прочихъ частяхъ ея самый посредственный Ораторъ, при помощи правилъ или опыта, можетъ предлагать приличное и даже полезное. И дѣйствительно, есть и всегда были многіе, кои съ довольнымъ искуствомъ изобрѣтали и изобрѣтаютъ основательные доводы: я ихъ не презираю; они могутъ только, по мнѣнію моему, обнаруживать предъ судьею то, что знать ему потребно, и, скажу откровенно, заслуживаютъ быть образцами въ Краснорѣчіи. Но умѣть приводить судью въ восторгъ, располагать чувствованіями его по своей волѣ, умягчать его до пролитія слезъ, воспламенять гнѣвомъ, рѣдко удавалось.

А отъ сего-то и зависитъ успѣхъ Оратора, сіе-то и доставляетъ торжество Краснорѣчію. Ибо доказательства раждаются изъ самаго дѣла, и особливо изъ дѣла праваго, такъ что истецъ, выигрывающій тяжбу, знаетъ только, что былъ

у него стряпчій. Гдѣ же нужно увлечь судей силою, и отвратить умы ихъ отъ самаго размышленія о истинѣ, тамъ все только отъ Оратора зависитъ. Сему истецъ не научитъ его: сего нѣтъ въ письменныхъ доказательствахъ. Правда, доказательства подаютъ судьямъ лучшее мнѣніе о правости нашего дѣла: страсти заставляютъ ихъ желать, чтобы оно и въ самой вещи было право: а чего желаютъ, тому и вѣрятъ.

И дѣйствительно, когда начинаютъ они негодовать, благопріятствовать, ненавидѣть, соболѣзновать, тогда наше дѣло почитаютъ уже за свое собственное: какъ любовники о красотѣ любимаго предмета судить не могутъ, поелику глаза ослѣпляются любовію, такъ и судья, предубѣжденный страстію, оставляетъ всякое изысканіе истины: онъ силою страсти увлекается, и какъ бы стремительнымъ потокомъ уносится. Такимъ образомъ произнесенный уже приговоръ показываетъ, какое дѣйствіе произвели свидѣтели и доказательства; а судія, убѣжденный Ораторомъ, не вставая еще съ мѣста своего, при одномъ слушаніи, уже обнаруживаетъ свое мнѣніе. И подлинно, не произнесенъ ли уже приговоръ, когда такое окончаніе рѣчи исторгаетъ у судьи слезы? Итакъ здѣсь-то Ораторъ долженъ напрягать свои силы: вотъ его дѣло, вотъ его подвигъ! Безъ сего все прочее слабо, пусто,

нетвердо, безполезно. Возбужденіе страстей есть самая сущность и душа рѣчи.

II Движенія душевныя раздѣляются, по правиламъ Древнихъ, на два вида: одинъ называютъ Греки *πάθος*, т. е. страсть: другой *ἦθος*, т. е. нравы; по сему и часть Философіи названа *ἠθική*. *нравственною*. Но судя по существу смысла, я полагаю, что сіе означаетъ не столько самые нравы, сколько нѣкоторое свойство нравовъ. Ибо самые *нравы* заключаютъ въ себѣ всѣ наши умственныя способности. Осторожнѣйшіе Писатели разсудили рѣченіе сіе отнести лучше къ волѣ, нежели изъяснять его въ строгой точности. И по тому изъ сихъ двухъ видовъ чувствованій первыя живѣе и стремительнѣе, а послѣднія тише и скромнѣе; однѣми повелѣваемъ, другими убѣждаемъ: тѣ возмущаютъ душу слушателя, сіи пріобрѣтаютъ отъ него благосклонность. . .

Надлежитъ однако объяснить смыслъ сего рѣченія, поелику наименованіе онаго кажется недовольно значительно само собою. *Ἦθος*, нравъ, какъ мы разумѣемъ, и чего требуемъ отъ учащихъ, есть превосходнѣйшее свойство душевной доброты, сопровождаемое не только кротостію и снисхожденіемъ, но и дружелюбіемъ и благопривѣтливостію, которыя дѣлаютъ насъ пріятными и любезными слушателямъ. Все совершен-

ство здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы слово наше казалось проистекающимъ изъ самаго существа вещей и лицъ, чтобы изъ рѣчи проявлялись добрые нравы Оратора, и нѣкоторымъ образомъ признавались за таковые. Сіе особенно наблюдать надлежитъ при разбирательствѣ между лицами, союзомъ родства или дружбы связанными, всякой разъ, когда надобно уступать, прощать, удовлетворять, увѣщевать; здѣсь нѣтъ мѣста ни гнѣву, ни ненависти. Однако иначе поступаетъ отецъ въ тяжбѣ противъ сына, опекунъ противъ сироты, подъ его опекой состоящаго, мужъ противъ своей жены. Ибо первые и тогда являютъ любовь свою къ тѣмъ, отъ коихъ оскорбляются, и тѣмъ дѣлаютъ ихъ ненавистнѣе, что по видимому, любить ихъ не перестаютъ. Иначе тяжется старый съ молодымъ человѣкомъ, иначе высшій съ подчиненнымъ. Ибо здѣсь должно прибѣгать къ возбужденію сильныхъ страстей, а въ первомъ случаѣ возбуждается только жалость...

Отсюда часто заимствуется способъ возбудить ненависть, когда говоримъ противъ соперника съ приличною скромностію и умѣренностію; ибо наша умѣренность будетъ служить тайною безмолвною уликою его скудости доводовъ. Уступая ему, представляемъ его ненавистнымъ и несноснымъ; и тѣ сварливые и слишкомъ

вольные Ораторы не знают, что ненависть производит болѣе дѣйствія, нежели ругательства: ибо возбужденная нами ненависть дѣлает ненавистным нашего противника, а наши ругательства дѣлают ненавистными нас самих.

Наконец для всего онаго потребно, чтобы Оратор сам был тих и благонравен: такія качества даже в самом соперникѣ своем, если можно, одобрять должен Оратор, по тому что их сам имѣет, или заставит предполагать их в себѣ. Таким образом сдѣлается он весьма полезен своей сторонѣ; и одно добродушіе его заставляет уже почитать правым защищаемое им дѣло. Ибо Оратор, оказывающій злое сердце, не может хорошо защищать своего дѣла: в устах его кажется все неправо: а иначе показался бы он добронравным. По чему здѣсь и самая рѣчь Оратора должна быть скромна, кротка, без всякаго высокомѣрія, пышности и даже без всякой высокопарности. Довольно и того, если будем говорить выразительно, точно, пріятно, вѣроподобно. Для сего-то и приличен здѣсь наиболѣе слог рѣчи средній.

От таковаго состоянія души совсѣм отлично то чувствованіе, которое мы собственно называем *страстію*: и, чтоб показать одним словом разность между ими, скажу, что одно имѣет сходство с комедіей, а другое с тра-

гедіей. Послѣднее чувствованіе составляютъ гнѣвъ, ненависть, страхъ, негодованіе, соболѣзнованіе; какимъ же образомъ страсти сіи возбуждаются, всѣмъ извѣстно и мною показано, когда я говорилъ о *Приступѣ* и *Заключеніи* или *Окончаніи* рѣчи.

И страхъ, однако, раздѣляю на двое: мы или сами ощущаемъ оный, или другимъ внушаемъ: также раздѣляемъ и ненависть; ибо или мы сами ненавидимъ, или дѣлаемся ненавистными: сіе относится къ лицамъ, а первое къ вещамъ; и въ послѣднемъ случаѣ предлежитъ Оратору больше затрудненія. Ибо есть вещи сами по себѣ ненавистныя, какъ-то отцеубивство, душегубство, отрава; есть же и такія, которыя представлять ненавистными нужно. А иногда, сравнивая наши несчастія съ великими бѣдствіями другихъ людей, показываемъ, что мы пострадали еще болѣе; какъ дѣлаетъ Виргилій (3. Aen. 321.), влагая въ уста Андромахи слѣдующія слова:

O felix una ante alias Priameja virgo,
Hostilem ad tumulum, Trojae sub moenibus altis,
Jussa mori!

Ибо коль бѣдственна участь Андромахи, ежели Поликсена въ сравненіи съ нею названа блаженною! Иногда можемъ увеличивать нане-

сенную намъ обиду, такъ чтобъ и легкое оскорбленіе выставить несноснымъ, напримѣръ: Если бы ты его толкнулъ, и тогда не могъ бы защититься въ судѣ; а ты его поранилъ. О семъ пространнѣе объяснимъ, когда будемъ говорить (Кн. 8. гл. 4.) о распространеніи слова.

Между тѣмъ я замѣчу, что цѣль Оратора при возбужденіи страстей не въ томъ состоитъ только, чтобъ дѣянія ненавистныя и плачевныя представлять въ настоящемъ ихъ видѣ, но чтобъ и тѣ, которыя не заслуживаютъ дальняго вниманія, изображать тяжкими: какъ напримѣръ, когда говоримъ, что обидѣть словомъ непростительнѣе, нежели ударить рукою; что обезчестить достойно болѣе наказанія, нежели отнять жизнь. Ибо сила Краснорѣчія состоитъ не столько въ томъ, чтобъ преклонить судью на то, къ чему ведетъ его самая сущность дѣла; но чтобъ или родить въ немъ чувствованіе, какого онъ не имѣлъ, или сдѣлать его сильнѣйшимъ, нежели было. Сіе-то называется силою и разительностію въ рѣчи, когда Ораторъ умѣетъ дѣяніямъ недостойнымъ, жестокимъ, ненавистнымъ придать еще большую черноту и гнусность: таковымъ даромъ особенно предъ прочими отличался Димосѳенъ.

III. Если бы я хотѣлъ ограничить себя обыкновенными правилами, то могъ бы почесть

что о семъ предметѣ сказалъ уже довольно, безъ всякаго опущенія всего нужнаго, чему научился, или что читалъ въ книгахъ. Но я намѣренъ открыть здѣсь тайны, совершенно еще безъизвѣстныя, которыя постигъ не посредствомъ учителей, но собственнымъ своимъ опытомъ и подъ руководствомъ самой природы. Итакъ верьхъ Краснорѣчія, сколько судить могу, состоитъ, относительно возбужденія страстей, въ томъ, чтобы мы сами были ими движимы совершенно (*). Ибо подражаніе чуждымъ чувствованіямъ скорби, гнѣва и негодованія бываетъ иногда смѣшно, если только слова и лице сообразуемъ съ ними, а сердце не имѣетъ въ томъ участія. И дѣйствительно, какая иная была бы причина, что пораженные печалію люди часто произносятъ самыя краснорѣчивыя восклицанія при первомъ ощущеніи скорби своей, и гнѣвъ нерѣдко самыхъ грубыхъ людей дѣлаетъ Витіями, ежели не сія врожденная сила ума и откровенность во нравахъ?

Итакъ, когда хотимъ выразить страсть другаго съ правдоподобіемъ, должны мы поста-

---

(*) Конечно забылъ Фабій, что еще до него сказалъ Горацій: *Если хочешь, чтобъ я плакалъ, заплачь прежде самъ.* Попрекнуть самохвальствомъ, кажется, не можно толь скромнаго мужа.

вишь самихъ себя на мѣсто того, кто подлинно страждетъ; рѣчь наша должна происходить отъ такого расположенія духа, какое сообщить хотимъ и судьѣ. Не уже ли будетъ онъ болѣзновать о томъ, о чемъ говорю ему, не болѣзнуя? Не уже ли подвигнется на гнѣвъ, когда тотъ, кто ко гнѣву побуждаетъ, самъ ничего похожаго на то не чувствуетъ? Не уже ли прольетъ слезы предъ Ораторомъ съ сухими глазами? Дѣло невозможное. Только огонь сожигаетъ, а мочитъ только мокрое: никакая вещь не можетъ другой дать цвѣта, коего сама не имѣетъ. Итакъ да воздѣйствуетъ, вопервыхъ, надъ нами самими то, чѣмъ хотимъ въ судьѣ произвести дѣйствіе; да возчувствуемъ сами прежде ту страсть, которую въ другихъ возбудить предпримемъ.

Но какимъ образомъ мы сами возчувствуемъ страсти? Но движенія душевныя не въ нашей власти. Я постараюсь и сіе объяснить. То, что Греки называютъ *φαντασίας*, а мы *мечтаніями*, которыя представляютъ уму нашему образы вещей отсутствующихъ, такъ, какъ бы мы предъ собою ихъ имѣли и видѣли: кто образы сіи твердо запечатлѣлъ въ душѣ своей, тотъ можетъ сильно возбуждать страсти. Таковаго и называютъ иные *εὐφαντασίωτον*, т. е. человѣкомъ, который живо представляетъ видъ, голосъ и дѣйствіе

отсутствующихъ лицъ: и сіе, когда захотимъ, удобно сдѣлать можемъ.

Ибо, какъ, напримѣръ, при бездѣйственномъ успокоеніи умовъ, и тщетныя надежды, и какъ бы нѣкія сновидѣнія бодрствующихъ, такъ и тѣ образы, о коихъ здѣсь говоримъ, преслѣдуютъ насъ до того, что на яву, кажется, странствуемъ, плаваемъ, сражаемся, говоримъ съ народами, располагаемъ богатствомъ, котораго не имѣемъ; и все то будто не мыслимъ, а дѣлаемъ: почему же сего заблужденія въ воображеніи не обратить въ нашу пользу? Говоря о убитомъ человѣкѣ, почему не могу имѣть предъ глазами всего того, что долженствовало по всему вѣроятію, случиться при смертоубивствѣ? По чему не могу видѣть убійцу, нечаянно нападающаго? А того вопіющаго, молящаго, или убѣгающаго? По чему не видѣть и поражающаго и падающаго отъ удара? По чему не представить себѣ крови, блѣдности въ лицѣ, стенаній, и наконецъ послѣдняго издыханія?

Въ семъ пособитъ намъ *ἐνάργεια*, которую Цицеронъ называетъ *поясненіемъ* и *очевидностію*; она не столько говоритъ о вещи, сколько показываетъ ее: и чувствіе души не иначе раждается, какъ когда представляемъ, будто бы сами мы были при совершившемся дѣйствіи. Не по таковымъ ли мечтаніямъ Виргилій (9. Aen. 476)

описываетъ состояніе матери Евріала, получившей извѣстіе о смерти его,

Excussi manibus radii, revolutaque pensa.

и (11. Aen. 40.)

. . . . . . levique patens in pectore vulnus.

И того коня, который, при погребеніи Паллан-та (11. Aen. 90.)

. . . . positis insignibus, ...

It lacrymans, guttisque humectat grandibus ora.

Тотъ же Стихотворецъ, не отъ сего ли взялъ начертаніе скорби человѣка, умирающаго въ чуждой сторонѣ, когда говоритъ, что Анторъ (10. Aen. 782.)

. . . . . . et dulces moriens reminiscitur Argos.

Гдѣ же нужно возбудить жалость, сострадание, надлежитъ чужое несчастіе представить себѣ за свое собственное, и твердо въ томъ себя увѣрить. Вообразимъ себя самихъ на мѣстѣ того лица, коего жестокія, оскорбительныя и бѣдственныя страданія выставляемъ предъ судьями. Станемъ защищать дѣло не какъ постороннее, но возчувствуемъ и истино раздѣлимъ печаль защищаемаго нами человѣка. Я часто видалъ лицедѣевъ, кои, представивъ какое нибудь печальное и умилительное лице, плакали еще по окончаніи своего дѣйствія. Итакъ, ежели одно произношеніе чужаго сочиненія оставляетъ въ умахъ такое впечатлѣніе, то мы ли не произве-

демъ надъ сердцами желаемаго дѣйствія, мы, которые о томъ только и помышлять должны, чтобы живѣе возчувствовать бѣдствіе подсудимаго?

Даже въ самыхъ училищахъ не худо бы было возбуждать себя такими чувствованіями, и представлять ихъ себѣ за истинныя, тѣмъ паче, что тяжущіеся говорятъ тамъ чаще сами, нежели стряпчіе. Тамъ говоритъ иной, какъ отецъ, лишившійся дѣтей своихъ; другой, какъ человѣкъ, претерпѣвшій кораблекрушеніе; третій, какъ подвергшійся опасности лишиться жизни: къ чему послужитъ все сіе, если принявъ на себя ихъ лица, чувствованій ихъ имѣть не будемъ? Не хочу скрывать, что я и самъ, каковъ ни есмь и каковъ ни былъ (ибо мнѣ позволительно, кажется, о себѣ думать, что въ судныхъ дѣлахъ упражнялся не безъ успѣха), я и самъ, говорю, бывалъ умиленъ до того, что не только проливалъ слезы, но измѣнялся въ лицѣ и чувствовалъ скорбь непритворную, истинную.

ГЛАВА III.

О ВОЗБУЖДЕНІИ СМѢХА.

I. Сколь трудно дѣлать сіе съ успѣхомъ. — О Димосѳенѣ и Цицеронѣ. II. Какое дѣйствіе производитъ смѣхъ. III. Смѣхъ раждается отъ существа дѣла и отъ случая. IV. Есть разныя смѣшныя названія. V. Какимъ образомъ смѣхъ возбуждается, и что при томъ наблюдать должно. VI. Откуда заимствуются для сего пособія. VII. Не всякія шутки позволительны Оратору. VIII. Примѣры ложныхъ мнѣній и сказаній.

Ораторъ, для достиженія своей цѣли, можетъ употребить средство совсѣмъ противное вышепоказаннымъ: онъ, возбуждая судью къ смѣху, изглаждаетъ первыя прискорбныя чувствованія, и часто развлекаетъ умъ его отъ напряженія, иногда подкрѣпляетъ, облегчаетъ утомленіе и прогоняетъ скуку.

I. Но сколь трудно въ семъ успѣть, видимъ изъ примѣровъ двухъ величайшихъ Ораторовъ, изъ коихъ одинъ достигъ высшей степени Греческаго, другой Латинскаго Краснорѣчія. Ибо многіе полагаютъ, что возбуждать смѣхъ у Димосѳена не было способности, а у Цицерона умѣренности. Не льзя думать, чтобъ Димосѳенъ не хотѣлъ употреблять шутокъ: его замысловатыя изрѣченія, которыхъ очень мало находимъ, и которыя прочимъ высокимъ его способностямъ никакъ не соотвѣтствуютъ, явно показываютъ, что ему родъ забавныхъ мыслей не ненравился, но для сего не доставало искуства. О Цицеронѣ же говорятъ, что онъ не только внѣ судилищъ, но и въ самыхъ торжественныхъ рѣчахъ, смѣшить старался сверьхъ мѣры.

Что касается до меня, то или сужу справедливо, или ослѣпляюсь пристрастіемъ къ сему великому въ Краснорѣчіи мужу, но нахожу въ немъ удивительную ловкость. Ибо и въ повсядневномъ съ людьми обращеніи и въ состязаніяхъ, и при допросѣ свидѣтелей, никто не превзошелъ его пріятнымъ остроуміемъ. Не надлежитъ приписывать ему тѣхъ слабыхъ и холодныхъ насмѣшекъ, которыя произносилъ противъ Верреса (3. Verr. 121.): онъ бралъ ихъ изъ устъ другихъ, и приводилъ только вмѣсто свидѣтельства; и чѣмъ онѣ простѣе, чѣмъ обыкновеннѣе,

тѣмъ болѣе заключать надобно, что выдуманы не Ораторомъ, а были отголоскомъ общенароднаго о Верресѣ мнѣнія. Желалъ бы я, чтобъ Квинтъ и Тиронъ, его отпущенникъ, или другой, кто бы онъ ни былъ, издатель трехъ книжекъ, заключающихъ собраніе замысловатыхъ его изрѣченій, менѣе старался о числѣ ихъ, а болѣе приложилъ разсудка въ выборѣ оныхъ! Злословію осталось бы меньше пищи. Но поносители его и въ семъ собраніи, такъ какъ и во всѣхъ его твореніяхъ, скорѣе найдутъ, что-либо убавить, нежели прибавить.

Наибóльшую трудность въ семъ родѣ составляетъ во первыхъ то, что всякое слово, къ смѣху побуждающее, есть по бóльшей части ложное; а сіе есть всегда низко, и часто съ намѣреніемъ представляется въ искаженномъ видѣ; сверхъ сего, никогда не приноситъ чести употребляющему такую шутку: сужденія людей различны о семъ; ибо онѣ основываются не на извѣстномъ какомъ нибудь правилѣ, но управляются какимъ-то неизъяснимымъ чувствованіемъ. Не думаю, чтобы кто это ясно истолковать могъ, хотя и многіе на сіе покушались, отъ чего происходитъ смѣхъ? Ибо къ смѣху побуждаемся не только словомъ или дѣломъ, но иногда и нѣкоторымъ осязаніемъ тѣла.

Кромѣ того, смѣхъ отъ разныхъ причинъ раждается. Смѣемся не только тому, что говорится или дѣлается остроумно и забавно, но и тому, что глупо, съ сердцемъ, съ трусостію говорится или дѣлается. Потому и трудно сказать рѣшительно о семъ предметѣ, что смѣхъ не далеко отстоитъ отъ посмѣянія. Цицеронъ говоритъ, что смѣхъ происходитъ при видѣ чего нибудь безобразнаго или гнуснаго. Если на то или другое искусно указывается въ иномъ человѣкѣ, называется шуткою; а ежели такіе недостатки окажутся въ самомъ насмѣшникѣ, то будетъ уже глупостью.

II. Хотя смѣхъ заключаетъ, по видимому, въ себѣ нѣчто маловажное, и возбуждать его приличнѣе шутамъ и смѣхотворамъ, но имѣетъ однакожъ какую-то непреоборимую силу, которой сопротивляться никакъ не можно. Часто вырывается онъ противъ воли нашей, безъ всякаго посторонняго пособія: заставляетъ выражать себя не только лицемъ и голосомъ, но все тѣло дѣйствіемъ своимъ потрясаетъ. Нерѣдко самымъ важнымъ дѣламъ даетъ совсѣмъ иной оборотъ, и часто вдругъ прерываетъ гнѣвъ и злобу. Доказательство сему видимъ въ Тарентинскихъ юношахъ, кои, бывъ за веселымъ столомъ, очень свободно поговорили между собою о царѣ Пиррѣ; когда же въ томъ сдѣланъ былъ на нихъ доносъ,

и когда предъ царемъ ни запереться, ни извиниться не могли, спаслись опъ бѣды шуточнымъ изрѣченіемъ. Ибо одинъ изъ нихъ сказалъ: *Да мы бы тебя, Государь, и убили за столомъ, если бы не опустѣли у насъ бутылки.* Таковый отвѣтъ заставилъ забыть преступленіе.

III. Но при всемъ томъ, я не могу сказать, чтобы для побужденія къ смѣху, не требовалось никакого искуства; здѣсь нужно наблюдать также нѣкоторыя мѣры; Греческіе и Латинскіе писатели преподали для сего свои правила. Я только утверждаю, что все то зависитъ болѣе отъ природы и случая. Отъ природы, говорю, зависитъ не потому, что есть люди, кои имѣютъ больше остроты и способности возбуждать смѣхъ: ибо въ этомъ много способствуетъ и наука: но что видимъ у нѣкоторыхъ въ лицѣ и осанкѣ особенную, неподражаемую ловкость, такъ что сказанное ими показалось бы въ устахъ другаго не столь пріятнымъ. Случай же и самые предметы служатъ такимъ пособіемъ, что не только неученые, но и самые грубые невѣжды, отвѣчаютъ остро и колко своему сопернику. Ибо въ отвѣтахъ болѣе, нежели вопросахъ, вырываются забавныя шутки.

Здѣсь трудность увеличивается тѣмъ, что въ семъ дѣлѣ нѣтъ ни наставниковъ, ни потребныхъ упражненій. Хотя при пиршествахъ и въ

*

общемъ обращеніи встрѣчаемъ многихъ говоруновъ: поелику навыкъ сей пріобрѣтается только отъ повседневнаго употребленія; приличная Оратору шутливость рѣдка и не заимствуется отъ науки, а примѣняется къ общему обыкновенію забавныхъ разговоровъ.

IV. Для означенія предлежащаго намъ предмета, мы употребляемъ многія наименованія, изъ которыхъ въ каждомъ, если разсмотримъ, найдемъ особенное знаменованіе.

Подъ словомъ *вѣжливость*, мнѣ кажется, должно разумѣть такую рѣчь, которая и въ словахъ, и въ оборотахъ, и въ произношеніи, показываетъ особенный вкусъ, градскимъ жителямъ свойственный, и которая сопровождается непримѣтными почти свѣдѣніями, въ обращеніи съ учеными людьми почерпнутыми; все же противное сему почитается *грубостію*.

Красивымъ называемъ то, что сказано съ нѣкоторою пріятностію и изяществомъ.

Острота или *соль* въ обыкновенныхъ разговорахъ берется за изрѣченіе, къ смѣху побуждающее: въ существѣ же своемъ она не то означаетъ, хотя всякое слово, смѣхъ производящее, должно быть съ острotою, или такъ сказать, съ солью. Ибо и Цицеронъ, говоря, что всякая рѣчь съ солью относится къ Аттическому вкусу, не то разумѣлъ, чтобы Аѳиняне были склон-

ны къ смѣху болѣе другихъ народовъ; и Катуллъ сказавъ объ одной тучной женщинѣ:

Въ семъ огромномъ тѣлѣ нѣтъ ни зерна соли,

не то хотѣлъ выразить, чтобы въ тѣлѣ ея не было ничего смѣшнаго. Итакъ соль въ рѣчи не иное что есть, какъ обыкновенная приправа оной, которая ощущается сама собою, и безъ которой рѣчь была бы безвкусною; она наподобіе пищи возбуждаетъ вкусъ; словомъ, она есть то, что дѣлаетъ рѣчь нескучною и заманчивою. Какъ яствамъ умѣренное количество соли придаетъ нѣкоторую пріятность, такъ и острыя въ словѣ изрѣченія производятъ охоту слушать.

Забавность также, по мнѣнію моему, имѣетъ предметомъ не одно смѣшное. Горацій не сказалъ бы, что *забавный* родъ стихотворства данъ Виргилію самою природою. Итакъ я думаю, что оное назвать можно лучше красотою и нѣкоторою изящностію въ слогѣ. И Цицеронъ въ письмахъ своихъ приводитъ сіи слова Брутовы: Nae illi sunt pedes faceti, ac deliciis ingredienti molles. Что согласно и съ слѣдующимъ выраженіемъ Горація: Molle atque facetum Virgilio. (1. Sat. 10, V. 44.)

Шутку почитаемъ за противоположное важному. И притворяться, и устрашать, и обѣщать, все сіе составляетъ иногда шутку.

насмѣшливая говорливость, есть выраженіе общее всѣмъ видамъ: собственно же означаетъ рѣчь, со смѣхомъ на другихъ обращаемую. И по тому говорятъ о Димосѳенѣ, что онъ былъ вѣжливъ, а отнюдь не насмѣшливый говорунъ (dicacem fuisse negant.)

V. Но здѣсь идетъ рѣчь только о томъ, чѣмъ смѣхъ возбуждается.

Вопервыхъ, сію часть рѣчи, такъ какъ и всѣ другія, составляютъ предметы и выраженія: употребленіе же ея весьма просто. Ибо заимствуемъ причины смѣха или отъ другихъ, или отъ насъ самихъ, или отъ предметовъ посторонннхъ. Въ другихъ, или порицаемъ, или отвергаемъ, или возвышаемъ, или отражаемъ, или умалчиваемъ. Собственныя нелѣпости показываемъ, когда сказанное нами кажется, по словамъ Цицерона, только нелѣпымъ съ намѣренія. Ибо тоже самое, что вырвется отъ неосторожности, есть сущая глупость; а ежели говорится съ умысломъ, почитается за красоту. Третій родъ, какъ говоритъ также Цицеронъ, заключается въ обманѣ чаянія слушателей, въ обращеніи слова совсѣмъ въ другой смыслъ, и въ прочихъ обстоятельствахъ, ни къ намъ, ни къ другимъ прямо не принадлежащихъ. И потому я всѣ сіи случаи называю посторонними.

Вовторыхъ, смѣхъ раждается, или отъ словъ, или отъ дѣяній. Иногда и въ важныхъ дѣяніяхъ кроется нѣчто смѣшное; какъ-то: Маркъ Целій, Преторъ, когда Консулъ Изаврикъ разломалъ курульный стулъ его, поставилъ другой, ремнями стянутый. Смѣшное состояло въ томъ, что сей Консулъ былъ нѣкогда битъ отъ отца плетью. Иногда же смѣхъ возбуждается съ нарушеніемъ благопристойности, какъ примѣръ въ повѣствованіи (п. 65. 69.) о Целіевой коробочкѣ; что ни Оратору, ниже какой либо важной особѣ не приличествуетъ. Тоже можно сказать о смѣшномъ лицѣ и тѣлодвиженіяхъ, которыя производятъ великое удовольствіе, особливо тогда, когда не видно намѣренія смѣшить. Ибо сіе можно почесть за самую острую шутку. Хотя такая притворная степенность придаетъ слову много пріятности, и бываетъ тѣмъ смѣшнѣе, что говорящій самъ не смѣется: однако примѣчается нѣкоторая пріятная веселость или во взорахъ, и на устахъ, или въ тѣлодвиженіи, если кто оными владѣть умѣетъ.

Слова же, къ смѣху побуждающія, бываютъ или слишкомъ вольныя и веселыя, каковыя по бо́льшей части употреблялъ Гальба; или оскорбительныя, какія встрѣчаются у Юнія Басса; и грубыя, какъ замѣчаемъ у Кассія Севера; или учтивыя, какъ у Домиція Афра. Въ шуткахъ

надлежитъ наблюдать великую осмотрительность. Даже въ пиршествахъ и въ обыкновенныхъ бесѣдахъ, слишкомъ вольныя слова только людямъ низкимъ, а веселыя и забавныя всѣмъ приличествуютъ. Желалъ бы я, чтобъ онѣ были безвинны, безъ намѣренія нанести вредъ другому, по пословицѣ: *Лучше потерять друга, нежели острое слово.* Въ судилищахъ же совѣтовалъ бы я воздерживаться отъ самыхъ легкихъ издѣвокъ, коими оскорбить кого либо можно. Хотя и позволительно иногда употреблять противъ соперника своего колкія и рѣзкія насмѣшки; ибо и обвинять человѣка явно и требовать головы его можно, не нарушая справедливости: однако преслѣдовать несчастнаго съ крайнею жестокостію, обыкновенно вмѣняется въ ненавистное безчеловѣчіе потому, что или подсудимый не столько виновенъ окажется, или на самаго обвинителя худое послѣдствіе обратиться можетъ.

Итакъ надобно вопервыхъ разбирать, кто говоритъ и о какомъ дѣлѣ, передъ кѣмъ, противъ кого и что̀ говоритъ. Оратору отнюдь неприлично кривлянье въ лицѣ и въ тѣлодвиженіи, чѣмъ обыкновенно смѣшатъ скоморохи. Онъ всячески остерегаться долженъ отъ шутовской и низкой театральной болтливости. Излишняя же вольность и срамота не только въ выраженіяхъ, но и въ самомъ знаменованіи нетерпима.

Ибо не вездѣ и все говорить можно, хотя бы встрѣчался къ тому поводъ. И особливо, какъ я хочу, чтобъ рѣчь Оратора была приправлена острыми и благопристойными шутками, такъ не хочу, чтобъ въ ней являлась принужденность или натяжка. Для сего не долженъ употреблять соли вездѣ, гдѣ только можетъ: пусть пропадетъ лучше острое слово, нежели послужитъ къ униженію его достоинства. И обвинитель въ дѣлѣ важномъ и ужасномъ, и защитникъ жалостнаго происшествія, равно нетерпимы, когда прибѣгаютъ къ шуткамъ.

При томъ же есть судьи, столько степенные и столько важные, что неохотно принимаютъ шутливыя выраженія. А между тѣмъ случается, что сказанное противъ соперника относится или къ лицу самаго судьи, или къ лицу защищаемаго нами человѣка. А нѣкоторые до того стараются смѣшить, что не хотятъ избѣгать и того, что̀ можетъ на нихъ самихъ обратиться. Доказываетъ сіе примѣръ Лонга Сульпиція, который, будучи самъ весьма безобразенъ, и говоря также противъ безобразнаго человѣка, у коего оспаривалось право на свободу, не могъ воздержаться, чтобы не сказать: *И лице его не походитъ на лице свободнаго человѣка.* Домицій Аферъ тотчасъ возразилъ ему: *И ты, Лонгъ, го-*

воришь это, не шутя? Ты увѣренъ, что кто дуренъ лицемъ, тотъ не есть свободенъ?

Надобно остерегаться, чтобы все, что ни говоримъ въ семъ родѣ, не было дерзко, или нагло, неприлично мѣсту или времени, чтобъ не казалось выисканнымъ и придуманнымъ заранѣе. Я уже сказалъ, что шутить надъ несчастными есть крайняя жестокость; при томъ же иные изъ нихъ могутъ быть извѣстной честности и пользоваться общимъ уваженіемъ: въ такомъ случаѣ неосмотрительная шутка повредитъ болѣе самому Оратору. Чтожъ касается до нашихъ друзей, уже правило показано, какъ поступать съ ними.

Прибавляю къ сему еще совѣтъ общій и для всякаго полезный, чтобъ не нападать такимъ образомъ на людей, коихъ раздражать опасно, дабы не послѣдовало за тѣмъ или непримиримой вражды, или унизительнаго удовлетворенія. Непозволительны также шутки, которыми многіе оскорбляться могутъ, если, на примѣръ, осмѣиваются или цѣлые народы, или сословія, или состояніе и ремесло большаго числа людей. Въ такомъ случаѣ честный человѣкъ наблюдаетъ и свое достоинство и къ другимъ благопристойность. Ибо слишкомъ дорогъ былъ бы даръ смѣхотворства, если бы пріобрѣтался съ ущербомъ благонравія.

VI. Какимъ же образомъ возбуждается приличный смѣхъ, и гдѣ искать источниковъ онаго, сказать весьма трудно. Ибо, если бы всѣ виды перебрать захотѣли, то не нашли бы ничего вѣрнаго, и трудъ нашъ былъ бы напрасенъ.... Итакъ вообще скажу, что смѣхъ раждается или отъ тѣлесныхъ недостатковъ того, противъ кого говоримъ; или отъ недостатковъ его ума, о коемъ дѣлается заключеніе по словамъ и по дѣламъ; или отъ обстоятельствъ внѣшнихъ. Ибо на семъ только основывается всякое порицаніе: и такое порицаніе, если изложится съ надлежащею важностію, будетъ степенно, если же съ шутливостію, тогда будетъ забавно. На недостатки сіи или указываемъ, или съ пріятностію повѣствуемъ объ нихъ, или однимъ словомъ означаемъ.

Представлять ихъ предъ самые глаза рѣдко бываетъ случай, какъ сдѣлалъ К. Юлій; онъ имѣлъ дѣло съ Гельміемъ Манціей, который непрестанно заглушалъ его своимъ крикомъ и останавливалъ. Юлій сказалъ ему: *Я покажу, кто ты таковъ.* И по неотступному настоянію соперника, указалъ пальцемъ на лавочную вывѣску, на которой, въ щитѣ Марія, изображенъ былъ безобразный Галлъ, на коего Манція, по признанію всѣхъ, весьма много походилъ. Лавки

построены были вокругъ народной площади, а сказанный щитъ служилъ вмѣсто вывѣски.

Чтобъ повѣствовать о недостаткахъ другаго съ пріятною остротою, потребны тонкость и искуство прямо Ораторское: какъ, на примѣръ, Цицеронъ въ рѣчи за Клуенція расказываетъ о Ценазіи и Фабриціи.... Но во всѣхъ таковыхъ расказахъ потребна красота и ловкость, особливо тамъ, гдѣ Ораторъ прибавляетъ что нибудь отъ себя. Вотъ какъ выставляетъ Цицеронъ смѣшнымъ уходъ Фабриція изъ судилища: „Итакъ, когда Ораторъ (онъ говоритъ о Це„назіи, который взялся защищать Фабриція) „думалъ, что покажетъ величайшее искуство, и „когда съ крайнимъ усиліемъ произносилъ сіи „важныя слова: посмотрите, судіи, на перемѣну „благъ человѣческихъ, посмотрите на разные и „противные случаи, посмотрите на старость „Фабриція. И когда со словомъ *посмотрите*, для „украшенія рѣчи своей толь часто повторяемымъ, „хотѣлъ посмотрѣть на него самъ, то Фабрицій „съ мѣста своего, отчаясь въ успѣхѣ своего дѣла, „тихонько ушелъ изъ собранія," и во всемъ прочемъ, что къ сему прибавилъ, таже красота: мѣсто всѣмъ извѣстное; на самомъ дѣлѣ было только то, что Фабрицій вышелъ изъ собранія....

Цицеронъ думаетъ, что забавность состоитъ въ повѣствованіи, а насмѣшка въ язвительныхъ

шуткахъ. Въ семъ родѣ удивительное искуство показалъ Аферъ Домицій, въ рѣчахъ коего премного таковыхъ повѣствованій находится: да и острыми изрѣченіями былъ славенъ, какъ-то видимъ изъ собранія оныхъ.

Сюда же надлежитъ отнести и тотъ родъ насмѣшки, который не состоитъ въ острыхъ словахъ, и не заключается въ краткой шуткѣ, но въ какомъ нибудь продолжающемся дѣйствіи, какъ, на примѣръ, Цицеронъ во второй книгѣ объ Ораторѣ и на другихъ нѣкоторыхъ мѣстахъ, повѣствуетъ о Крассѣ противъ Брута. Ибо, когда Брутъ въ обвиненіи Кн. Планка двумя чтецами доказывалъ, что Л. Крассъ, защитникъ его, въ рѣчи своей по дѣлу Нарбонскаго поселенія, совѣтовалъ противное тому, что говорилъ о законѣ Сервиліевомъ. Тогда Крассъ заставилъ трехъ человѣкъ читать три разговора Брута отца, изъ которыхъ одинъ сочиненъ въ Тривернѣ, другой въ Албанѣ, третій въ Тибуртѣ, то и вопросилъ, куда дѣвались сіи помѣстья? Брутъ все ихъ продалъ: а какъ расточать наслѣдственное имѣніе почиталось за безчестіе, то на Брута обратилось всеобщее посмѣяніе.

Равно и въ защитительныхъ рѣчахъ и въ изложеніи нѣкоторыхъ исторій встрѣчаются иногда свои красоты. Но краткія шутки бываютъ острѣе и разительнѣе. Онѣ употребляются

и въ вопросахъ и въ отвѣтахъ: но въ томъ и другомъ случаѣ способъ одинаковъ; ибо въ обвиненіи не можетъ быть сказано ничего такого, чего бы не льзя было помѣстить и въ опроверженіи. . . .

VII. Для острыхъ и смѣшныхъ изрѣченій есть много источниковъ; но еще повторяю, что Ораторъ не ко всѣмъ, безъ разбору, прибѣгать долженъ. И вопервыхъ, я не могу одобрить ни двусмысленныхъ, ни темныхъ выраженій, какія находимъ въ Ателланскихъ комедіяхъ (*); ни тѣхъ грубостей, свойственныхъ самой низкой черни, которыя по двоесмыслію своему, обращаются почти въ явное ругательство; ни даже такихъ шутокъ, которыя вырывались иногда у Цицерона, однакожъ не въ рѣчахъ, публично говоренныхъ, какъ я уже замѣтилъ выше. На примѣръ, какъ одинъ искатель выгоднаго чина, о коемъ говорили, что онъ сынъ повара, просилъ кого-то, въ присутствіи Цицерона, о поданіи голоса въ свою пользу, сей сказалъ: *И я тебѣ приправлю* (Ego quoque jure tibi faveho). Я не совсѣмъ отвергаю употребленіе двусмысленныхъ словъ; но говорю, что онѣ тогда только про-

---

(*) Комедіи сіи наполнены были замысловатыми, но темными шутками, такъ что надлежало отгадывать ихъ. Онѣ получили свое названіе отъ города Ателлы, гдѣ въ первый разъ появились на театрѣ.

изводятъ нѣкоторое дѣйствіе, когда самымъ дѣломъ поддерживаются.

По чему я не узнаю Цицерона, когда онъ, захотѣвъ пошутить надъ Изаврикомъ, у коего на лицѣ были глубокія рябины, сказалъ ему: *Дивлюсь, что отецъ твой, человѣкъ постоянный, ровный во всѣхъ поступкахъ своихъ, тебя оставилъ намъ неровнаго.* Напротивъ, нѣтъ ничего прекраснѣе въ семъ родѣ, какъ его отвѣтъ обвинителю Милона, приводившему въ доказательство умысла его противъ Клодія, что пришелъ онъ въ Бовиллы весьма рано, дабы дождаться, когда Клодій выйдетъ изъ своей усадьбы, и потомъ сдѣлавшему вопросъ: въ какое время убитъ Клодій? Цицеронъ отвѣтствуетъ: *Поздо.* Довольно одного сего слова, чтобы показать, что шутокъ такого рода отвергать не можно. Обоюдныя слова означаютъ иногда не только многіе, но и совсѣмъ противные смыслы; какъ, напримѣръ, Неронъ сказалъ нѣкогда о самомъ дурномъ и невѣрномъ своемъ невольникѣ: я никому столько не довѣряю, какъ ему; для него нѣтъ ни замка, ни печати...

Дѣлать какія нибудь примѣненія къ именамъ лицъ, прибавляя, отнимая, перемѣняя въ нихъ нѣкоторыя буквы, есть слишкомъ обыкновенное и слабое пособіе: какъ, напримѣръ, вижу, что нѣкто *Ацискулъ* названъ Пацискуломъ, вѣроятно

потому, что составилъ ложный договоръ: другой, по имени Плацидъ, по причинѣ вздорнаго права, Ацидомъ; и Туллій, обличенный въ кражѣ. переименованъ въ Толлія. Но такого рода шутки всегда приноравливать лучше къ вещамъ, нежели къ именамъ. Аферъ, видя, съ какимъ необычайнымъ движеніемъ говорилъ Манлій Сура, какъ прыгалъ на каѳедрѣ, махалъ руками, какъ опускалъ и приподнималъ свою *тогу*, весьма забавно сказалъ: *Non agit, sed satagit* (онъ не говоритъ, а надрывается). И дѣйствительно слово *satagere* само собою довольно смѣшно, хотя бы при немъ не было сказано и другаго слова для сравненія. Прибавка и убавка буквъ отъ имени, или соединеніе двухъ словъ въ одно, по большей части, никакого дѣйствія не производятъ, однако иногда терпимы.

Тоже можно сказать о шуткахъ, которыя заимствуются отъ именъ собственныхъ. Изъ сего источника много почерпалъ Цицеронъ въ рѣчахъ своихъ противъ Верреса. Правда, выставлялъ онъ все то, какъ будто другими сказанное: какъ напримѣръ, что самое имя (*) Верреса означало, что онъ рожденъ все выметать (ut verreret): или что онъ Геркулесу, коего храмъ разграбилъ, будетъ вреднѣе, нежели вепрь Ери-

---

(*) Verres значитъ *кабанъ*, дикой боровъ, вепрь.

манөійскій; или что попъ худый былъ жрецъ, который оставилъ послѣ себя толь вреднаго звѣря; ибо предмѣстникъ его въ управленіи Сициліи былъ Сацердосъ (жрецъ). Но и такія примѣненія бываютъ иногда употреблены весьма кстати: какъ Цицеронъ, защищая Цецинну, сказалъ въ поношеніе Сенту Клодію Форміону, который предсталъ свидѣтелемъ: *Столько же черенъ, столько же наглъ, какъ и Форміонъ у Теренція.*

VIII. Итакъ тѣ шутки острѣе и пріятнѣе, которыя извлекаются изъ самаго существа вещей. . . . При торжествѣ Цезаря несены были изображенія завоеванныхъ имъ городовъ, сдѣланныя изъ слоновой кости, а спустя нѣсколько дней, при торжествѣ Фабія Максима, деревянныя; Хрисиппъ назвалъ послѣднія влагалищами (thecas) Цезаревыхъ городовъ. . . . И Августъ посламъ Таррагонскимъ, объявлявшимъ ему, что на его жертвенникѣ у нихъ выросло пальмовое дерево, сказалъ: *Изъ этого видно, сколь часто приносите вы жертву.* . . . На обидныя слова Оратора Филиппа, произнесенныя къ Катулу: *Что ты разлаялся? Вора вижу,* подхватилъ Катулъ.... Есть еще родъ шутки, которая происходитъ отъ нечаянности, или отъ принятія слова въ иномъ смыслѣ, нежели какой имѣть оно должно. Такія неожиданныя насмѣшки весьма забавны,

и могутъ быть съ выгодою употреблены противъ соперника, какъ напримѣръ, у Цицерона: *Чего ему недостаетъ, кромѣ богатства и добродѣтели?* Или какъ у Афра: *Человѣкъ, наилучшимъ образомъ одѣтый для судныхъ дѣлъ....*

Есть знакъ учености извлекать шутки изъ Исторіи или Басни. Когда Цицеронъ допрашивалъ одного свидѣтеля противъ Верреса, и Гортензій сказалъ: *Я не разумѣю сихъ загадокъ; ты долженъ ихъ разумѣть,* возразилъ Цицеронъ, *у тебя есть Сфинксъ.* Ибо Верресъ подарилъ ему мѣднаго Сфинкса дорогой цѣны.

По моему мнѣнію, благопристойною и забавною назвать можно только такую шутку, въ которой нѣтъ ничего неприличнаго и грубаго, ничего нескладнаго и посторонняго, ничего противнаго, ни въ смыслѣ, ни въ словахъ, ни въ произношеніи, ни въ тѣлодвиженіяхъ: такъ чтобы она не въ отдѣльныхъ какихъ ни есть острыхъ словахъ состояла, но чтобъ по всей рѣчи были разсыпаны, какъ у Грековъ *Аттицизмъ* показываетъ особенный вкусъ Аѳинянъ.

ГЛАВА IV.

О СОСТЯЗАНІИ.

Сколь важно состязаніе. — Состязатель долженъ имѣть бѣглый и изворотливый умъ. — Не подверженъ гнѣвливости. — Не крикливъ. — Какъ подстерегать своего противника. — На что опираться болѣе, и что опускать безъ отвѣта. — Чтобы достигнуть успѣха въ состязаніяхъ, потребно упражненіе.

Правила *Состязанія* изложить, кажется, надлежало бы мнѣ тогда, когда я кончилъ мои наставленія относительно рѣчи, въ непрерывномъ порядкѣ произносимой: ибо оно употребляется обыкновенно, какъ послѣднее пособіе. Но поелику состоитъ въ одномъ изобрѣтеніи, не можетъ имѣть надлежащаго расположенія, нижѐ требуетъ отличнаго украшенія въ словѣ, и не имѣетъ крайней нужды ни въ памяти, ни въ произношеніи: то и полагаю, что прежде, нежели буду

говоришь о второй изъ пяти частей судебнаго Краснорѣчія, не неприлично помѣстить здѣсь *Состязаніе*, какъ часть, отъ первой совершенно зависящую. Нѣкоторые писатели опустили оное, можетъ быть, потому что имъ показалось достаточно для сего и тѣхъ правилъ, которыя изложены въ предъидущей книгѣ. И дѣйствительно, какъ состоитъ оно или въ наступленіи, или въ отраженіи: *и* въ непрерывной рѣчи служитъ къ подтвержденію нашихъ доказательствъ; то надобно, чтобы и въ семъ краткомъ и прерывномъ дѣйствіи Оратора клонилось къ той же цѣли. Въ состязаніи мы говоримъ тоже самое; только или въ вопросахъ или въ отвѣтахъ. Я изъяснилъ сіе подробно (Кн. 5. гл. 7.) въ главѣ о свидѣтеляхъ. Однакожъ, предположивъ дать сочиненію моему всю нужную полноту, и думая, что Ораторъ не можетъ назваться совершеннымъ, если и въ сей части, такъ какъ во всемъ прочемъ, не будетъ наставленъ; почитаю долгомъ сказать нѣчто особенно о *Состязаніи*, которое во многихъ случаяхъ весьма способствуетъ намъ къ одолѣнію соперника.

Состязаніе требуетъ великихъ усилій отъ Оратора. Здѣсь-то онъ наипаче долженъ сражаться, не выпуская меча изъ рукъ. Ему надобно и напоминать судьѣ непрестанно свои главные и лучшіе доводы, и исполнить все то, что

обѣщалъ въ своей рѣчи, и опровергать ложныя показанія соперника. Судья тогда наиболѣе обращаетъ вниманіе свое на тяжущихся. Не безъ причины нѣкоторые, посредственные впрочемъ, Ораторы однимъ искуствомъ въ состязаніи заслужили имя хорошихъ стряпчихъ. А между тѣмъ иные, довольствуясь только тѣмъ, что въ пользу истцевъ своихъ оказали надмѣнное свое велерѣчіе, выходятъ изъ судилищъ, сопровождаемые похвалами льстецовъ; рѣшительную же битву оставляютъ мало свѣдущимъ, и часто несмысленнымъ стряпчимъ. Почему и видимъ, что въ частныхъ тяжбахъ однимъ поручается главное дѣло, другимъ изъясненіе доказательствъ. Если надобно раздѣлять сіи двѣ должности, то послѣдняя есть самая нужнѣйшая: и, къ стыду нашему сказать должно, что стряпчіе бываютъ тяжущимся полезнѣе. По крайней мѣрѣ, при общенародныхъ судахъ нѣтъ сего злоупотребленія: какъ тотъ, кто излагалъ дѣло, такъ и тотъ, кто доказывалъ оное, глашатаемъ вызываются къ состязанію.

Итакъ для сего потребно имѣть вопервыхъ умъ скорый и оборотливый, присутствіе духа и остроту. Здѣсь не размышлять, а тотчасъ говорить надобно, и быть въ готовности отражать удары противника. По чему, если Оратору при всякомъ случаѣ надлежитъ совершенно

знать сущность защищаемаго имъ дѣла, то при состязаніи особенно нужно имѣть въ виду и мѣсто, и время, и письменныя доказательства, и всѣ прочія обстоятельства.

Искусный состязатель долженъ быть чуждъ запальчивости. Ибо никакая страсть столько не помрачаетъ разума, какъ гнѣвъ; она часто заставляетъ насъ удаляться отъ настоящаго нашего предмета, и вырываетъ у насъ, намъ же предосудительныя укоризны и нелѣпости, которыя въ самыхъ судьяхъ нерѣдко производятъ негодованіе. Здѣсь полезнѣе умѣренность, а иногда и терпѣніе. Возраженія противника не только опровергать, но и пренебрегать, ослаблять, обращать въ смѣхъ можно; нигдѣ разумныя шутки не бываютъ столько умѣстны. Противъ сварливыхъ и наглыхъ противниковъ надобно быть смѣлымъ и твердымъ. Ибо есть люди при спорахъ толь запальчивые, что крикомъ своимъ заглушаютъ нашъ голосъ, прерываютъ наши рѣчи, и такимъ образомъ приводятъ все въ безпорядокъ: какъ подражать имъ, такъ и оставлять ихъ дерзость безъ всякаго отпору, не совѣтую; въ семъ случаѣ надлежитъ часто обращаться къ судьямъ, особливо къ предсѣдательствующимъ, и просить, чтобы каждому приказано было говорить въ свою очередь: показывать при семъ излишнюю терпѣливость и

кротость есть знакъ слабости и малодушія, и часто намъ измѣняетъ.

Наиболѣе же одерживается верхъ въ состязаніи остротою ума: конечно, сего дара не дастъ наука. Природная способность не пріобрѣтается ученіемъ; однако наука ей помогаетъ. Итакъ здѣсь надлежитъ особенно имѣть предъ глазами сущность нашего дѣла и цѣль, нами предположенную: ибо, держась сего правила, не войдемъ въ непристойную ссору, не потратимъ въ напрасныхъ сварахъ времени, которое на защищеніе нашего дѣла употребить должны, напротивъ еще воспользоваться можемъ, если соперникъ нашъ впадетъ въ сію погрѣшность. У насъ будетъ все почти въ готовности для отраженія, когда размыслимъ прилѣжно, что или сказать намъ противникъ можетъ, или что мы отвѣчать должны. Иногда Ораторы прибѣгаютъ и къ такой хитрости, что нѣкоторые, въ рѣчи нарочно опущенные доводы, вдругъ и нечаянно выставляютъ въ состязаніи; сіе уподобляется неожиданнымъ, при военныхъ случаяхъ, вылазкамъ и засадамъ. Но къ такому пособію прибѣгать надлежитъ тогда, когда на тѣ доводы отвѣчать тотъ же часъ не можно сопернику; и на которые могъ бы онъ отвѣчать, еслибъ дано было ему время приготовиться. Чтожъ касается до вѣрныхъ и твердыхъ

доводовъ, то всего лучше употреблять ихъ, не медля, при самомъ началѣ рѣчи, дабы можно было повторять ихъ чаще и въ продолженіе иной.

Мнѣ кажется, не нужно почти напоминать, чтобы состязатель не былъ сварливъ и крикливъ, каковыхъ на одимъ между безграмотными и невѣждами. Ибо такая строптивость хотя затрудняетъ противника, но не меньше того раздражаетъ и судью. Безполезно и даже вредно спорить упорно о томъ, чего доказать не можно. Лучше уступить, гдѣ необходимость заставляетъ покориться; если при оспориваніи многихъ статей въ нашемъ дѣлѣ, въ справедливости одной признаемся, тѣмъ бо́льшее довѣріе внушаемъ къ себѣ и въ защищеніи прочихъ статей; если же, оспаривается и одна, то мы своею уступчивостію преклонимъ судей оказать намъ снисходительность при самомъ приговорѣ. Ибо защищать съ упорствомъ, особливо видимый проступокъ, есть новый проступокъ.

При жаркихъ спорахъ, немалая догадка состоитъ и въ томъ, чтобъ погрѣшающаго соперника задерживать долѣе въ его ложномъ мнѣніи, и давать ему ласкаться тщетною надеждою побѣды. По чему искусно притворяемся, будто бы не достаетъ у насъ нѣкоторыхъ письменныхъ доказательствъ. Онъ не преминетъ настоятельно требовать ихъ, какъ рѣшительныхъ съ нашей

стороны доводовъ, которые, бывъ неожиданно представлены, дадутъ полный дѣлу нашему перевѣсъ. Можемъ также въ иномъ соглашаться съ противникомъ, дабы его такою уступкою отвлечь отъ сильнѣйшихъ возраженій. Иногда предлагаемъ ему два вопроса, изъ коихъ на который бы онъ ни отвѣчалъ, отвѣтъ долженъ быть въ его невыгоду: къ сему съ бо́льшимъ успѣхомъ можемъ прибѣгнуть въ состязаніи, нежели въ самой рѣчи: ибо въ рѣчи мы сами себѣ отвѣтствуемъ, а въ состязаніи какъ бы связываемъ сопротивника собственнымъ его признаніемъ.

Дальновидный Ораторъ особенно примѣчаетъ, какіе доводы дѣлаютъ впечатлѣніе въ судьѣ, и какіе имъ не одобряются: сіе часто можно усмотрѣть изъ его лица, иногда же изъ вырвавшагося у него слова или нѣкоего тѣлодвиженія. Тогда на благопріятствующія намъ доказательства наиболѣе опираться, а отъ невыгодныхъ для насъ со всякою осторожностію устраняться надлежитъ: какъ дѣлаютъ врачи, кои продолжаютъ и перестаютъ давать лѣкарства, смотря по тому, принимаетъ ли ихъ природа или отвергаетъ. Ежели иногда предложенный вопросъ рѣшить бываетъ затруднительно, то вводимъ иный вопросъ, и на него, если можно, все вниманіе судьи обращаемъ. Ибо, когда не льзя дать удовлетворительнаго отвѣта, ничего

инаго дѣлать не остается, какъ и сопротивника своего привести въ такое же положеніе....

Упражняться въ семъ дѣлѣ гораздо удобнѣе. Ибо часто можемъ съ великою пользою, согласясь съ пріятелемъ или съ кѣмъ нибудь изъ соучениковъ своихъ, взять предметъ подлинной или выдуманной тяжбы, и защищать противныя стороны посредствомъ состязанія: что самое даже въ простомъ родѣ разбирательствъ дѣлать можно.

Наконецъ стрятчему нужно знать и то, въ какомъ порядкѣ излагать предъ судьями состязательные доводы. Въ семъ случаѣ наблюдать должно тотъ же способъ, какой показали мы, говоря о прочихъ доказательствахъ, то есть, сильнѣйшими и начинать и оканчивать надлежитъ. Ибо въ началѣ возбуждаемъ въ судьѣ нужное къ намъ довѣріе, а при концѣ располагаемъ его къ произнесенію благопріятнаго приговора.

ГЛАВА V.

О СУЖДЕНИИ И РАЗМЫШЛЕНИИ.

Изложивъ, сколько дозволили мои способности, нѣкоторыя для сего наставленія, я неукоснительно приступилъ бы къ *Расположенію*, какъ требуетъ того самый порядокъ; если бы отъ тѣхъ, кои послѣ *Изобрѣтенія* полагаютъ непосредственно и *Сужденіе*, не опасался нарѣканія, что сію часть опустилъ по нерадѣнію: хотя оная такъ связана и такъ смѣшана со всѣми частями моего сочиненія, что ни въ мысляхъ, ни въ словахъ отдѣлить ея отъ прочихъ не можно; а сверхъ того я полагаю, что для сего, какъ для вкуса и обонянія, нельзя преподать правилъ. Итакъ мы здѣсь покажемъ только, чего гдѣ держаться и чего остерегаться надлежитъ, дабы *Сужденіе* тѣмъ руководствоваться могло. Особенно же предписывать, чтобъ не покушаться на невозможное, избѣгать въ доказательствахъ того, что противно нашей выгодѣ, или что можетъ клониться въ обоюдную пользу; не употреблять темныхъ и несвойственныхъ

выраженій, предписывать особенно и въ подробности не нужно потому, что сіе надлежитъ отнести къ чувствамъ, которыя никакими правилами не руководствуются.

Сужденіе от размышленія разнится, по мнѣнію моему, только тѣмъ, что первое относится до вещей, которыя сами себя показываютъ, а второе до вещей скрытыхъ, или и совсѣмъ еще несуществующихъ; что сужденіе бываетъ часто достовѣрно; размышленіе же есть умствованіе, издалека взятое, и по бо́льшей части взвѣшивающее и сравнивающее многія вещи, и потому заключаетъ въ себѣ какъ изобрѣтеніе, такъ и разсужденіе.

Но здѣсь нельзя основаться на сихъ общихъ правилахъ. Ибо размышленіе раждается отъ обстоятельствъ, которыя часто встрѣчаются въ то самое время, какъ намъ говорить надобно. Цицеронъ не́ безъ глубокаго размышленія хотѣлъ лучше сократить производство суда надъ Верресомъ, нежели продолжить оное до того года, въ который Гортензій, защитникъ его, долженствовалъ быть Консуломъ. Да и во всѣхъ судебныхъ рѣчахъ размышленіе занимаетъ первое и важнѣйшее мѣсто. Ибо что́ сказать, о чемъ умолчать, что́ отложить, чего требовать, зависитъ отъ размышленія: выгоднѣе ли отрицать, или защищать дѣло: гдѣ употребить приступъ, и

какой; гдѣ нужно повѣствованіе, и въ какомъ видѣ: основываться прежде на строгости законовъ, или на естественной справедливости: какой наблюдать повсюду порядокъ: выгоднѣе ли говорить рѣзко, или кротко, или даже униженно, или ко всему примѣняться. Но я и о семъ, гдѣ позволяло приличіе, изложилъ мои мысли, да и въ послѣдствіи не опущу того безъ замѣчанія. Теперь же приведу нѣкоторые примѣры, кои объяснятъ то, чего правилами показать не надѣюсь.

Похваляется размышленіе въ Демосѳенѣ, когда онъ, совѣтуя Аѳинянамъ продолжать войну, для нихъ несчастливую, доказываетъ, что они доселѣ ничего еще не сдѣлали съ благоразуміемъ. Ибо опущеніе могло быть поправлено. А если бы сказалъ, что съ ихъ стороны никакого опущенія не было, то отнялъ бы у нихъ всю надежду на будущіе успѣхи. Также, опасаясь оскорбить народъ Аѳинскій, если бы сталъ укорять его въ нерадѣніи поддерживать свободу Республики, онъ обратилъ рѣчь свою на похвалу предковъ, кои доблественно правили дѣлами общественными. Тогда и съ удовольствіемъ слушали его, и, какъ и естественно, одобряя лучшіе поступки, стыдились худшихъ.

Рѣчь Цицерона за Клуенція одна можетъ служить вмѣсто многихъ примѣровъ. Ибо чему

въ ней наиболѣе удивляться должно? Изложенію ли, или первому изложенію, которымъ у матери, угнѣтавшей сына своею властію, отнялъ все довѣріе? Или тому, что подозрѣніе, падавшее на Клуенція въ подкупѣ судей, почелъ лучше обратить въ невыгоду противной стороны, нежели отрицать оное по причинѣ давно извѣстной худой о немъ молвы, какъ онъ самъ о томъ изъясняется? Или тому, что въ дѣлѣ толь ненавистномъ употребилъ законъ въ свою пользу послѣ всѣхъ другихъ доказательствъ, каковый родъ защищенія могъ бы при началѣ оскорбить судей, къ тому непріуготовленныхъ? Или тому, что самъ свидѣтельствуетъ, что онъ сдѣлалъ то противъ воли Клуенція? Что сказать о рѣчи его за Милона? Онъ не хотѣлъ излагать дѣла прежде, нежели очистилъ подсудимаго отъ всѣхъ, дотолѣ бывшихъ обвиненій, обращаетъ на Клодія всю вину умышленнаго убійства, хотя въ самомъ дѣлѣ поединокъ былъ случайный; похваляетъ дѣйствіе, однако отрицаетъ въ Милонѣ намѣреніе произвести оное; не влагаетъ въ уста Милону ни просьбъ, ни жалобъ, но самъ отъ себя произноситъ оныя.

Въ заключеніе скажу, что не только въ словѣ, но и во всѣхъ дѣлахъ нашихъ, всего нужнѣе размышленіе: безъ сего основанія тщетны всѣ прочія науки: и полѣзнѣе благоразуміе безъ уче-

нія, нежели ученіе безъ благоразумія. Оно научаетъ показывать, какъ приноравливать рѣчь нашу къ мѣсту, времени и лицамъ. Но какъ сей предметъ требуетъ пространнѣйшихъ изъясненій, и имѣетъ много общаго съ образомъ выраженій, то и обратимся къ нему вторично, когда станемъ преподавать правила, наставляющія говорить прилично.

Конецъ первой части.

ПОПРАВКИ ВЪ I-й ЧАСТИ.

Стран.	строк.	Напечатано:	Должно читать:
III.	18.	Если и	Если
VII.	11.	поведеніемъ,	поведеніемъ
11.	2.	затмеваетъ	затмѣваетъ
—	27.	пржде	прежде
—	28.	еписать	писать
21.	26.	надмѣваетъся	надмеваетъся
34.	10.	retiquit	reliquit
58.	19.	жено подобнаго	женоподобнаго
74.	5.	Лашинскаго	Латинскаго
95.	19.	ошвращеніе	отвращеніе
130.	7.	лоскутковъ,	лоскутковъ
178.	10.	поправился	прославился
179.	15.	καὶ Ἰσοκράτην ἐὰν	Ἰσοκράτην δ' ἐὰν
201.	3.	и еще	еще
211.	9.	(ὕμερον)	(ἥμερον)
227.	6.	племяниковъ	племянниковъ
234.	1.	Примѣръ Азиніл	Какъ напримѣръ Азиній
241.	26.	Оппіанина	Оппіаника
248.	7.	обвѣпшалости	обветшалости
259.	18.	Avitus	habitus
286.	12.	Стакена	Спалена
295.	27.	разсказами	расказами
296.	21.	естественниной	естественной
306.	1.	говоритъ	говорить
—	3.	Оппіанина	Оппіаника
—	5.	Оппіанинъ	Оппіаникъ
316.	13.	Оппіанина	Оппіаника
393.	3.	преступленіе	преступленіе

Стран.	строк.		
398.	12.	Тубе	Тубе-
401.	25.	колѣсницахъ	колесницахъ
430.	7.	(Pro Mar.)	(Pro Mur.)
456.	26.	вскяая	всякая
457.	6.	приправа	приправа
469.	7.	Сешпу	Сексшу
472.	14.	въ ошвѣшахъ	въ ошвѣшахъ
473.	8.	надмѣнное	надменное
476.	3.	иной	оной
482.	28.	полѣзнѣе	полезнѣе